

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Анатолий ИЛЬЯХОВ

ЦИЦЕРОН

Поцелуй Фортуны

Анатолий Гаврилович Ильяхов
Цицерон. Поцелуй Фортуны
Серия «Всемирная история в романах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63515867

Цицерон. Поцелуй Фортуны:

ISBN 978-5-4484-8467-4

Аннотация

Римская республика конца I века до н. э. Провинциальный юноша Марк Туллий Цицерон, благодаря своему усердию и природным талантам становится популярным столичным адвокатом, но даже самым талантливым не обойтись без удачи. Вот и тогда не обошлось без вмешательства богини Фортуны. Она благоволила Марку и оберегала, как могла, от бед и неприятностей, связанных с гражданской войной. А тот в свою очередь показал себя достойным таких хлопот и вписал своё имя в историю наравне с другими выдающимися личностями того времени – Суллой, Помпеем, Цезарем...

К словам Марка Цицерона прислушивались, просили совета, поддержки, а Марк, помогая, бросал вызов несправедливости и полагал, что сил хватит, чтобы сделать жизнь в республике справедливой для всех категорий общества, как он это себе представлял.

Содержание

Об авторе	6
От автора	10
Пролог	13
Глава первая	16
От царя до плебея	16
С молоком матери	21
Отчий дом	25
Глава вторая	30
Дом с привидением	30
Невыносимый запах денег	34
Главный наставник	39
Глава третья	45
Новые друзья	45
Кружок Сципиона	53
Побеждённый победитель	64
Знакомство с любомудрием	70
Глава четвёртая	73
Прощание с буллой	73
Познание Рима	80
Профессия адвокат	88
Глава пятая	96
Нет нужды жить в нужде	96
Воспитание нравственности	100

Глава шестая	104
Обучение мастерству	104
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Анатолий

Гаврилович Ильяхов

Цицерон. Поцелуй Фортуны

© Ильяхов А.Г., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Об авторе

Анатолий Гаврилович Ильяхов, автор двух десятков научно-популярных и художественных произведений, родился в 1941 году в Сочи, в настоящее время живёт в Краснодаре.

До того как получить признание в качестве популяризатора Античности, писатель, по его собственным словам, прожил «большую и интересную жизнь инженера-строителя». Успешный карьерный рост от мастера участка до руководителя крупного производственного объединения сам по себе говорит о многом. Так же как и ответственная работа по контракту в Монголии и Афганистане в сложные для СССР годы.

В юности, общаясь со сверстниками из греческой диаспоры в Сочи, Анатолий Ильяхов услышал, что их предки – переселенцы из Греции. Возникший после этого интерес к греческой истории побудил познакомиться с трудами Геродота, Страбона, других историков. Так будущий писатель узнал, что греки ещё в VIII веке до н. э. «открыли» Чёрное море для торговли с местными племенами, массово организовывали поселения-колонии. Греческие полисы появились на побережье современного Крыма и Северного Причерноморья, в том числе города-государства Херсонес Таврический и Боспор Киммерийский, сосуществуя со скифами, таврами и прочими аборигенами Киммерийского полуострова.

В школьные годы Анатолий Ильяхов услышал имя Александра Македонского, воодушевился его полководческими подвигами и решил, что обязательно напишет о нём роман. Юношеская задумка стать писателем осуществилась через сорок лет, когда автор вышел на пенсию, ведь именно тогда появилась возможность перечитать собранные за всю жизнь в домашней библиотеке книги по античной тематике, переосмыслить собственные «литературные зарисовки», что велись все годы. В итоге помимо прочих трудов Ильяхов создал целых три романа о жизни Александра Македонского, каждый из которых отличается уверенной энциклопедичностью и захватывающей исторической фактологией. Даже подготовленный читатель обнаруживает в них немало любопытных сведений.

Античный мир канул в прошлое и, казалось бы, навсегда отдалился от современного бытия, но для писателя Анатолия Ильяхова древние греки, эллины, остаются живыми людьми со своими особыми страстями. Эти люди были способны на крайнюю жестокость и на удивительные прекрасные свершения, отчего их поступки и достижения, как и ошибки, преподают нам бесценный урок. По мнению автора, греческий историк Фукидид верно сказал, что «все исторические явления будут повторяться всегда, пока природа людей будет оставаться той же».

Дополнительные сведения о писателе А.Г. Ильяхове можно найти на сайте ilyahov.ru

Изданные книги автора:

Этимологический словарь. Античные корни в русском языке. 2006.

Зевсу посвящённые. Тайны древних олимпиад. 2006.

Вакху посвящённые. Секреты античной кулинарии, застолья и виноделия. 2007.

Эросу посвящённые. Античные любовные истории. 2007.

Афине посвящённые. Античная мудрость. 2007.

Пир мудрецов. Притчи, изречения, размышления. 2009.

Античные корни в русском языке. Этимологический словарь. 2010.

Эллада и Кубань. Путешествие в прошлое. 2012.

Игры эллинов у подножия Олимпа. Три тысячи лет до 2014 (2012).

Знак Зевса – роман. 2013.

Уроки Аристотеля – роман. 2014.

Наедине с мудростью. Древняя Греция. 2015.

Закон и право. Словарь правоведа. 2015.

Человек и природа. Словарь эколога. 2015.

Экономика и финансы. Историко-этимологический словарь. 2016.

Наука и производство. Политехнический словарь. 2016.

Медицина. Историко-этимологический словарь. 2016.

Избранник Вечности – роман. 2016.

Философия разума. Словарь эрудита. 2017.

Античность в русском языке. Этимологический словарь.
2017.

Три чаши Диониса. Античный код современного винодела.
2018.

Внуку Максиму...

От автора

Советский литературовед Ю.М. Лотман¹ писал, что «далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию. Каждый тип культуры вырабатывает свои модели «людей без биографии» и «людей с биографией»... Марк Туллий Цицерон – личность с выдающейся биографией.

В царской России латынь изучали в гимназии, что позволяло подросткам знакомиться в подлинниках с речами Цицерона, как и со стихами Вергилия, «Записками о Галльской войне» Цезаря, другими образцами культуры Древнего Рима. Университетская молодёжь постигала античную философию, медицину и технические науки, пока с 1918 года латынь не исключили из учебных заведений как «мёртвый язык». Академик Ф.Ф. Зелинский, известный антиковед, смог убедить руководство страны в том, что «Античность нам вдвойне дорога как родоначальница всех без исключения идей, которыми мы живём поныне... А если Цицерон будет выдворен из школ, исчезнет история».

В двадцатых годах латынь «оживила», однако через два десятилетия она вновь исчезла из общеобразовательного процесса – «как элемент чуждой советскому человеку культу-

¹ Лотман Ю. М. // Литературная биография в историко-культурном контексте: Учёные записки Тартуского университета. 1986. Вып. 683.

ры»...

* * *

Каждый живёт ничтожно малым моментом настоящих событий; всё дальнейшее покрыто неизвестностью. Как морская волна ложится поверх прибрежного слоя песка или гальки, так всё происходящее с обществом покрывается очередными событиями, новой человеческой историей, чтобы следом быть покрытыми другими событиями, другой историей. А позже и это новое исчезает под тем, что наступает вслед за ним. Время остановить нельзя, оно истекает, уподобляясь реке, хотя человеческая память удерживает имена людей, деяниями своими призванных к бессмертию. Марк Туллий Цицерон известен человечеству более двух тысячелетий.

Мы пытаемся заглянуть в будущее со скрытой надеждой, что в нём не повторятся ошибки прошлого. Но надежда тает, как мираж, в реальности сегодняшнего дня едва ли не ежедневно с непостижимым для ума упорством, воспроизводящим события I века до нашей эры, когда жил Цицерон.

Книгу «Цицерон. Поцелуй Фортуны» необходимо рассматривать как историко-биографический роман, поскольку в ней использованы не только сохранившиеся записи судебных речей прославленного оратора и личные письма, доступные широкому кругу любознательных читателей. Существует

ет ещё авторская версия его биографии, человека «из провинциальной глубинки», ставшего самым влиятельным государственным деятелем Рима, «отцом Отечества» и к тому же востребованным писателем.

На всём пути преодоления служебной лестницы Марку Туллию Цицерону благоволила Фортуна, богиня удачи с повязкой на глазах. Она оберегала молодого адвоката от неприятностей, при великих потрясениях гражданского общества спасала от смертельной опасности. В гуще бурных событий гражданских войн линия жизни этого человека пересекалась с судьбами Суллы, Помпея, Цезаря, Антония и Октавиана Августа – главных «сотрясателей» республики.

К словам Цицерона прислушивались, многие просили его совета, поддержки, а он не мог определиться, с кем он, и бросал вызов всем, полагая, что его честности и добропорядочности хватит, чтобы сделать римское общество счастливым. Даже в изгнании своими призывами и увещеваниями он надеялся спасти республику, которая рушилась у него на глазах...

Пролог

В I веке до нашей эры загородное имение консула Марка Антония в окрестностях Рима не могло не привлечь к себе взгляда случайных путников. Просторный дом в два этажа, фруктовый сад с виноградником, зарыбленный пруд, фазанарий; подступающий к ограде лес, преображённый волей супруги хозяина Фульвии в огромный парк, удобные дорожки с каменной крошкой, мраморные скамьи, проглядывающие отовсюду статуи Приапа² и лесных нимф. В питьевых фонтанчиках, устроенных на равном удалении друг от друга при дорожках, – студёная вода, подведённая от ближайших родников. Рукотворный каменный грот Муз³ и обзорные беседки, позволяющие наслаждаться дивным видом окружающих гор...

Как же Фульвия любила свой парк! Вот только счастье бывать в нём выпадало ей нечасто. Она редко покидала многолюдный суетный Рим из-за большой занятости супруга. Когда это удавалось, Фульвия, верная многолетней привычке, не упускала возможности устроить себе обед в одиночестве – в любимой беседке с изящными мраморными колоннами, увенчанной куполом. Широкая полукруглая скамья из ред-

² Приап – бог плодородия, полей и садов.

³ Музы – покровительницы искусств и наук.

кого голубого мрамора позволяла возлежать и так безмятежно проводить время до наступления темноты, пока оглушающий треск звонкоголосых цикад не предупредил, что пора ужинать.

Вот и сейчас хозяйка находилась здесь, на голубом покрывале и шёлковых подушках. Рядом – низкий мраморный стол с блюдами. Отварная мурена⁴ в специях, маринованные устрицы, перепелиные яйца, козий сыр, яблоки... Кувшин с винным напитком на меду... Но Фульвия не ела. Она смотрела ещё на одно блюдо – золотое, на котором лежала... голова мужчины, безжалостно отделённая от тела. И глядя на это безжизненное бледное лицо, с кровью на небритых щеках, с сизыми тонкими губами, приоткрытыми, словно для зевка, она не испытывала ни жалости, ни брезгливости, ни страха. Наслаждение – вот что доставляло ей это зрелище...

Она медленно протянула к голове руку с тонкими холёными пальцами. Тронула редкие седые волосы – будто приласкала... И... зло прищурилась. Затем длинным крашеным ногтем коснулась края прикрытого века... О! Фульвия дорого бы заплатила за то, чтобы взглянуть в глаза этого человека и прочесть по ним, о чём он думал в последние мгновения жизни. Но после некоторых раздумий она вытащила из своих волос золотую булавку и с ожесточением проткнула ею вялый язык мертвеца, выкрикивая с ненавистью:

⁴ Мурена – средиземноморская рыба с нежным мясом и агрессивным характером.

– Вот тебе! Вот чего заслуживает твой змеиный язык, проклятый Цицерон!

Сегодня утром посланец мужа принёс Фульвии ларец в красной коже с запиской: «Дорогая, тебе подарок». Внутри была эта самая голова, завёрнутая в окровавленную тряпицу. Фульвия сразу узнала лицо ненавистного Цицерона...

Невдалеке послышался звук шагов. Появился утренний посланец и подал новую записку: «Дорогая, ты довольна подарком? Я вынужден забрать его у тебя. Цицерон хотел быть выше всех нас. Он любил говорить с народом на Форуме. Что ж, пусть возвысится над рострами⁵ в таком виде».

Фульвия взяла голову в руки и плюнула в закрытые глаза...

⁵ Ростра – в Древнем Риме ораторская трибуна на Форуме.

Глава первая

Арпин

От царя до плебея

Младенцу Марку Туллию Цицерону суждено было появиться на свет в провинциальном городке Арпине в исторической области Лаций (Италия). Он родился 3 января 106 года до нашей эры, в один из дней *Компиталий* – празднеств в честь божественных предков *ларов*, покровителей семейной общины и добрососедства.

О происхождении рода Туллиев существует несколько версий. По одной Цицерон являлся потомком римского царя-реформатора Сервия Туллия, по другой – Тулла Аттия, царя местных аборигенов *вольсков*. В истории Рима упоминается Марк Туллий, приближённый последнего царя Тарквиния Гордого. Был ещё Марк Туллий Лонг, один из первых консулов республики. Но ни одна из версий не имеет под собой достаточных оснований, иначе Цицерону не пришлось бы затрачивать столь значимых усилий для продвижения к высотам власти.

На то время верхушку римского общества составляли два привилегированных класса – сенаторы и всадническое со-

слобие. Привилегией сенаторов являлось право иметь у себя дома портретные восковые маски предков и ношение белой *туники* с широкой красной полосой. Если представители сенаторского сословия могли гордиться древностью и знатностью происхождения, то под всадниками подразумевалась денежная аристократия. Её представители успешно занимались оптовой торговлей, ещё *откупничеством*, то есть сбором налогов и других платежей с доходов населения в пользу государственной казны, также ростовщичеством, что приводило к накоплению в их руках огромных богатств, а затем и политическому весу в обществе. Внешним отличием всадников являлись белая туника с узкой красной полосой и право ношения статусного кольца из золота. В цирке и театре им отводились почётные передние места, позади сенаторов.

Всадникам позволялось занимать государственные должности – *магистратуры*, дававшие доступ в сенат, отчего они «не унижались» каким-либо профессиональным занятием или, тем более, физическим трудом. А судя по хозяйственной деятельности отца и деда Цицерона, постоянному проживанию в провинции и незначительным доходам их род изначально принадлежал не к всадническому сословию, а к классу свободных производителей – сельским *плебеям*.

По римской традиции отца, деда и прадеда нашего героя тоже называли Марк Туллий Цицерон – как сыновей-первенцев. Вторая часть родового имени – «Туллий» («журчащая вода») – произошла от наличия на земельном участке ре-

чушки. «Цицеро» означало «горох» – согласно семейной легенде прозвище получил какой-то предок из-за формы носа «с выемкой, как в горошине». Хотя существует версия, что семья Туллиев издавна занималась выращиванием на продажу гороха, одного из основных продуктов питания римлян. В детстве из-за насмешек товарищей родовое прозвище не нравилось Марку. В ответ он заявлял, что «прославит имя героическими делами».

С самого раннего возраста Цицерон ощущал на себе влияние авторитета деда (гораздо в большей степени, чем отца). Доходов от продажи сельскохозяйственной продукции не хватало, отчего дед не терпел проявления расточительства, у кого бы то ни было, также пьянства, чревоугодия и прочих «радостей жизни». Домашние часто слышали от главы семейства:

– Если хочешь чувствовать себя богатым, не копи бездумно деньги, а лишь умеряй свои желания. Если же хочешь быть честным, никогда не стремись к славе и почестям, но убавляй свои желания. Если хочешь жить, не переставая наслаждаться, не стремись прибавлять наслаждений, а лишь убавляй свои желания.

Члены семьи руководствовались взыскательностью к собственным поступкам, благочестием и верностью служения Отечеству. Развешанные повсюду на стенах медные доски с наставлениями предков, как бы ненароком, подталкивали всякий раз прочитать их и задуматься над смыслом. Глава

рода утверждал, что, пока они почитаются в семье, ни голод, ни мор, ни пожар, ни другая беда не войдут в жилище. «А те дома, в которых они отсутствуют или бездумно выбрасываются, – настаивал он, – настигнет неотвратимое испытание».

Дед упорно сторонился любых перемен устоявшегося уклада, любых культурных поветрий. Хотя он стремился к просвещению, как большинство римлян, труды знаменитых греков обходил вниманием. Отсюда игнорировал соседей, изучавших греческие науки. Отказывался слушать греческую речь, отчего приглашал в гости только «проверенных» на этот счёт людей (даже из ближайших родственников). Говорил: «Кто лучше всех знает по-гречески, тот и есть величайший негодяй» – и зло плевался. Сыновьям же своим старик объяснял:

– Подвиги греков гораздо менее значительны, чем о них говорят мифы и легенды. Эллины кричат о своём величии на весь мир. Но кто одолел их великую Грецию? Римляне! Оттого римляне, а не кто бы то ни было ещё достойны того, чтобы другие народы признавали за нами превосходство! Римляне проигрывали битвы, но войны – ни разу. Удача придавала нашим предкам силу, а неудачи – мужество!

Он рассказывал также, что у предков римлян было законное основание для войн с другими народами, поскольку они не имели отечества. В поисках родины они шли по чужим землям – от одной войны к другой, – прибавляя себе друзей, союзников и врагов.

– Мы стали великими. У нас есть Рим. С тех пор кто не видит себя нашими рабами – наши враги. Несогласные с нами греки – теперь рабы, хотя в учёности и словесности всякого рода Греция нас превосходила.

Старик демонстративно уходил в свою комнату, когда его супруга приглашала в дом родного брата Гратидия, представителя древнейшего плебейского рода Мариев. Гратидий обожал эллинскую культуру, выделял ораторское искусство Демосфена и других знаменитых греков. У себя дома он организовал «общество любителей греческого красноречия», на заседания которого приглашал молодых людей, желающих совершенствоваться в ораторстве. Произносил заготовленные речи, давал советы. Заметив у детей сестры, старшего сына, Марка, и младшего, Луция, интерес к обучению наукам, Гратидий, несмотря на недовольство их отца, привил им понимание мудрого наследия Греции и восприятие эллинской культуры за идеал.

С молоком матери

Старший сын, наследник своего отца, вошёл в тридцатилетний возраст, когда ему приснилась связка ключей от замков на входной двери и кладовых. Гадать не пришлось – ключи означали хозяйку, которая войдёт в супружеский дом. Он женился на Гельвии, «женщине хорошего происхождения и безупречной жизни». Она действительно оказалась заботливой хозяйкой дома, требовательной к семейному укладу. А вскоре супругу приснился очаг с разгорающимся огнём...

Гадатель изрёк:

– К добру твой сон, к рождению детей. Домашний очаг подобен женщине, которая принимает в себя пригодное к жизни.

Гельвия родила первенца, как все римлянки, дома, «на родильном стуле». Помощница повитухи придерживала её со спины, мягко надавливая на живот во время схваток, а повитуха, сидя на корточках, подсказывала, как дышать, и принимала младенца. Роженица «не ощутила боли и нежелательных последствий», что предвещало новорождённому «жизнь в почёте и славе».

Пуповину младенца перевязали шёлковой нитью и обрезают, тельце обмыли, запеленали лентами из ткани. Повитуха осторожно взяла на руки крохотную «живую мумию» и понесла во внутренний двор, *атриум*, где ожидал отец ре-

бёнка вместе с ближайшими родственниками.

Наступил момент «признания новорождённого». Младенца положили у ног отца: если он возьмёт на руки и поднимет над головой, ребёнок признаётся, становится новым членом семьи. Если не признает дитя, его отнесут на базарную площадь, где оставят в специально выделенном для таких случаев месте – «у молочной колонны», откуда его заберут желающие дальше растить и воспитывать в своих интересах.

Отец признал первенца, его вернули матери, чтобы разрешить следующую, не менее важную, проблему – кормление. Среди части римлянок кормление грудью собственных детей не одобрялось. Новорождённый передавался кормилице, предпочтительно рабыне-гречанке. Если она сразу не находилась, вскармливали молоком коровы, буйволицы или козы. Хотя существовало убеждение, что ребёнок приобретёт их дурные качества, например непослушание.

В Арпине, в отличие от Рима, кормление грудью воспринималось обязанностью матери перед родным ребёнком. Гельвия недолго колебалась, к тому же муж привычно обратился к мудрости греков:

– Грудь дана женщинам не для украшения тела, а для кормления младенцев. Десять лун ты носила дитя внутри себя, когда ещё не видела его. Разве ты вправе отказать ему в материнском молоке?

Супруг говорил, что мать, отдающая дитя другой женщине, ослабляет соединительную нить, связывающую родите-

лей с детьми. Да и сам младенец забывает родную мать, перенося любовь на чужую кормилицу.

Гельвия начала кормить первенца грудью, но молоко почему-то исчезло. Для малыша всё же пришлось искать кормилицу из ближайшей родни. Но мать ревностно следила за каждым её действием: требовала давать грудь регулярно и только днём, возражала против кормления иной едой, а если малыш требовал еды, запрещала давать жёванный хлеб, как поступали в крестьянских семьях. Кормилица радостно объявила, что к ней во сне явился призрак с веткой оливы и предсказал, что она кормит ребёнка, который окажется великим благом для Рима. Сон приняли на веру, поскольку в Греции олива посвящалась богине Афине, воплощению мудрости.

Ближайшие родственники семьи Туллиев и соседи, оповещённые о радостном событии, приходили в дом, чтобы засвидетельствовать почтение отцу ребёнка и оставить для малыша памятные подарки – игрушки и амулеты от злых духов. На третий день после рождения сына глава семьи устроил застолье по случаю нарекания полным родовым именем: Марк Туллий, сын Марка, внук Марка, правнук Марка, из трибы Корнелия, Цицерон. Но запись ребёнка в списках муниципалитета произошла, в соответствии с законом, по достижении им шести месяцев. До этого времени малыша вроде бы и не существовало: его возможная смерть – по вине родителей или из-за неизлечимой болезни, убийства или увечья –

оставалась ненаказуемой, поскольку «младенец ещё не имел собственной души».

Следом родился сын Квинт. Родители жили в верности друг другу, приобщая к таким же чувствам детей. «Идущие в одной упряжке» – называли такие прочные союзы римляне.

Гельвия не проявляла настойчивого интереса к делам супруга, но когда он призывал, помогала в меру женских сил и ума. По государственным и семейным праздникам супруга плела цветочные венки и как символ силы и мужества возлагала мужу на голову за трапезой. С немалой заботливостью хозяйка выращивала в саду целебную фиалку, способную избавить от болей в суставах и прочих недугов. На цветочных грядках алели маки, цветение которых римляне связывали с богатым урожаем в полях. По всему дому стояли ветки вербены – обереги, помогающие сохранить счастливый брак и семейный достаток.

Мать умерла, когда сыновья ещё не вошли в подростковый возраст. Но Марку она успела привить острое неприятие несправедливости, лжи и коварства – качества, которые он сохранял в себе до конца своей жизни.

Отчий дом

Цицерон вспоминал отчий дом в Арпине как некое хранилище римских традиций: одно пребывание в нём внушало членам семьи уважение старины и обычаев предков. Поначалу дед, затем отец на примерах из жизни легендарных героев-римлян прививали детям отказ от вредных привычек, воздержание в еде и нетребовательность в одежде. С детских лет Марк усвоил необходимость «правильных» поступков, морали и любви к священному прошлому отечества. К совершеннолетию, например, он уже понимал, что следует непременно уважать человеческую жизнь как основную ценность, даже если это жизнь недавнего врага; что Риму шестьсот с лишним лет и стоять ему ещё многие столетия благодаря мужеству и славе своих граждан, привычке римлян властвовать над варварскими народами. В конце каждой трапезы родители с детьми восхваляли подвиги героев Рима и пели благодарственные гимны семейным покровителям – ларам. В такие моменты Марка охватывала гордость за Рим и римлян, побеждавших самых сильных врагов своим упорством и военным искусством.

В конце зимы по всей Италии происходило поминание национальных героев. Отец Марка говорил сыновьям, что нет ничего важнее, чем почитание родных и сограждан, добившихся достойной репутации при жизни, после их смерти.

– Не зря известных римлян хоронят вдоль дорог за городскими воротами, – пояснял он. – Это чтобы проходящие граждане читали надписи на надгробьях, запоминали их славные деяния и воздавали им почести.

* * *

Родовое имение Туллиев представляло собой незначительное по размерам владение в сельской местности. Осенью Марк с детским любопытством наблюдал, как во двор в повозках доставляли скошенную пшеницу, укрывали под крытым навесом, оттуда брали на ток и ловко молотили цепами. Если боги посылали отменный урожай, рабы не справлялись. Приходилось нанимать сезонных работников, которых устраивали на ночь в шалашах рядом с током.

На задворках ютилось строение для заболевших рабов, где их лечили под наблюдением хозяйки дома. Она же назначала лечение или разрешала отдых для восстановления сил. Здесь также располагалась баня для домочадцев. Работники, рабы и слуги пользовались ею в предпраздничные дни. Отец Марка по примеру отца и деда придерживался убеждения, что физический труд и посещение бани – лучшее предупреждение любых болезней. Оттого доверялся рукам раба-массажиста, втиранию во все части тела ароматических масел и чередованию холодной и горячей воды при обливании.

Семья Туллиев кормилась с огорода, занимавшего южную

сторону имения. Он состоял из тщательно возделанных полос, отделённых друг от друга проходами; вода изымалась по канаве из фамильной речушки, отчего семье не пришлось платить за полив. Выращивали артишоки, каперсы и салаты, лук и чеснок, капусту, репу и редьку. Ежегодно снимали неплохой урожай бобов, огурцов и спаржи. Излишки овощей регулярно продавали.

В саду росло около сотни деревьев, радовавших плодами с лета по глубокую осень. Смоквы, груши, яблони и рябины, слива, айва... Отец обожал сад во время цветения, наслаждался ощущением богатства будущего урожая. Осенью брал с собой сыновей, с увлечением наблюдавших, как плодовым культурам делались прививки, после чего на одном дереве вырастали разные плоды: на каштане – слива, на айве – груша вместе с яблоком.

Члены семьи Цицеронов питались, как их рабы и слуги, в основном полбяной или пшеничной кашей с овощами, варёными яблоками и грушами со свининой; мясо загодя вялили или коптили для долгого хранения. Мясо овцы, козы или даже птицу ели крайне редко, лишь в праздничные дни после жертвоприношения; а быка или корову приберегали только для больших государственных праздников. Марк, кажется, до конца жизни помнил вкус каши, которую любил готовить отец. Он вычитал у Катона Старшего, известного в прошлом борца с аристократией и писателя, автора известного сочинения «О земледелии», оригинальные рецепты многих изде-

лий. Лучше всего удавалась так называемая «пуническая» каша: «всыпать в воду фунт самой лучшей пшеничной муки и смотреть за тем, чтобы каша загустела; затем влить её в чистый сосуд, добавить три фунта свежего сыра и полфунта мёду, одно яйцо и тщательно всё перемешать, а затем вновь переложить в новый горшок».

Отец Марка, занимаясь сельским хозяйством, предпочитал во всём следовать наставлениям Катона Старшего. И в прочих вопросах старался соответствовать его наставлениям. Как-то он спросил старшего сына:

– Как думаешь, кто в сражении проявит себя отважным воином – горожанин или селянин?

Пока мальчик соображал, он слегка потрепал его по голове и сам ответил:

– Только селянин, у которого есть собственный кусок земли, который всю жизнь с усердием обрабатывает каменистую почву, способен выстоять в сражениях под ливнем из вражеских копий и стрел, вынести удары мечей и рогатин. Землепашцы, собранные в отряды, наносят удары оружием врагу, как раньше наносили земле – с диким упорством, падая лишь от потери крови, но и после этого вцепляясь зубами в противника.

Слова отца запали в сознание Марка. Он с детства воспринял римлянина прежде всего хлеборобом, а уже после – воином. Тяжёлый труд, умеренность и строгость нравов веками определяли жизнь этих людей от земли, способных без

всяких видимых усилий оставить на время плуг, взять в руки оружие и после спасения родины вновь вернуться к земле. Такой римлянин довольствовался нехитрым обедом, холодным завтраком, дешёвой одеждой и простым жилищем. Привитая с детства семейная мораль Туллиев изначально ограждала Марка на будущее от излишне роскошной и лёгкомысленной жизни.

Глава вторая

Укрепление ума

Дом с привидением

Излишки урожая овощей и плодовых деревьев в имении отца Марка скупали приезжие торговцы из Рима. Ловко сбивали цены, ставили условия, отчего о значительных доходах мечтать не приходилось. Гельвия надоумила нерешительного супруга арендовать лавчонку на римском рынке, посадив за прилавок одного из рабов. Нововведение отразилось на продажах в лучшую сторону. Отец не остановился, расширил торговлю и нанял бойкого продавца из бывших рабов, теперь вольноотпущенника. Уже через год доход ощутимо вырос. При этом отцу Марка приходилось часто посещать Рим и напрашиваться на ночлег к родне или своим друзьям и знакомым. Если же случалось так, что они не могли приютить его, он снимал тесную комнатку при таверне с неизвестными постояльцами, еженощно опасаясь ограбления или убийства. И вновь супруга проявила мудрость, подсказав, какой нужно бы купить дом в Риме. После недолгих поисков отец присмотрел старый дом рядом с рынком – каменное строение в два этажа с внутренним двором. Един-

ственное, что в нём настораживало, – невысокая по сравнению с другими подобными домами в квартале цена.

Оформив собственность в присутствии представителя муниципалитета и десяти свидетелей, порядком измотанный этой процедурой отец Марка отправился спать на верхний этаж. Светильников не зажигал. Пожилой раб, которого он взял с собой в Рим, устроился на полу в прихожей и сразу затих.

Глубокой ночью отец внезапно проснулся. Снизу доносились какие-то странные звуки – стук и звяканье металла... «Грабители! – была первая мысль, заставившая часто-часто биться его сердце. – Пробрались в дом, чтобы отобрать последние деньги...»

Звуки не стихали. Напротив, с каждым ударом сердца они становились всё громче, всё ближе. И это был уже не только металлический лязг – где-то совсем рядом отчётливо слышалось шарканье босых ног по каменному полу, дверь отворилась, и из темноты проступил неясный силуэт старца со всклокоченной бородой. И хотя черты лица его были трудно различимы и глаз почти не видно, отец знал – он смотрит прямо на него, как будто хочет что-то сказать. Но призрак молчал... Он постоял так какое-то время, затем поднял над головой свои тощие руки, потряс сковывающими их цепями и, повернувшись, растворился в темноте...

Хотелось кричать, звать на помощь – раба, соседей, кого угодно. Но язык не слушался отца. Да что язык – всё тело

его сковало. И он лежал в постели без сил, без чувств, пока в единственном оконце спальни не забрезжил рассвет...

Придя в себя отец вспомнил Сократа, который говорил, что призраки – это «телообразные явления душ людей, блуждающих среди живых в наказание за дурное поведение». В тот же день, едва начало смеркаться, он зажѐг светильник и стал ждать.

Ровно в полночь издали послышались металлические звуки, как накануне. Отец не сводил взгляда с двери... И она открылась. На пороге вновь появился вчерашний «старик» и поманил его пальцем. Подталкиваемый какой-то неведомой силой, мужчина встал, взял в руки светильник и направился к двери... В какой-то момент пламя в светильнике дрогнуло, словно говоря: «Постой, человек, подумай, прежде чем сделать следующий шаг». Но через мгновение огонь вспыхнул с новой силой, разогнав сгустки мрака и последние сомнения. Призрак повернулся к лестнице и медленно, громяхая кандалами, начал спускаться к выходу. Отец последовал за ним.

Во дворе было темно и зябко, но отец не отставал от мрачного проводника. У старой яблони призрак остановился. Скрюченным перстом он указал на основание дерева, после чего в последний раз посмотрел на отца незрячими глазами и исчез...

Отец так и не прилѐг той ночью, а поутру явился к городскому голове – *эдилу*, чтобы с его согласия провести раскоп-

ку под деревом. Нанятые землекопы нашли тронутый временем скелет человека... в цепях. По распоряжению эдила его забрали, вывезли за пределы города, где предали безымянному погребению, уже без оков. После *люстрации* – очистительного обряда с жертвованием свиньи – вход в новый дом семьи Цицеронов тёмным силам был заказан.

Невыносимый запах денег

На следующий год, удачно распорядившись урожаем овощей, вина и фруктов, глава семьи купил у разорившегося ремесленника уличную красильню с десятком рабов. Марк увидел приобретение отца в семь лет, когда впервые приехал с ним в Рим. Красильное производство представляло собой обыкновенный проулок, но с рядами вместительных ям, облицованных кирпичом, в которых с утра до темноты кипела и пускала многоцветные пузыри тяжёлая смрадная масса. Между ямами безмолвными тенями суетились полуголые люди, перемешивая раствор с тканями.

Едкие испарения едва не свалили мальчика с ног. Дыхание перехватило, он закашлялся, но не убежал. Отдышавшись, Марк с интересом продолжал наблюдать за происходящим и не сразу заметил подошедшего к нему незнакомца – высокого, худого и жилистого, с бронзовым кольцом в ухе, как у остальных рабов. Это был надсмотрщик.

– Чем молодой хозяин интересуется? – спросил он с ухмылкой.

Марк показал рукой в сторону огромной каменной чаши, над которой суетился человек, весь в пыли и с толкушкой в руках.

– Что он делает?

– Готовит марену – это краситель, с помощью которого

получают разные цвета – от чёрного до розового и даже огненно-красного. Предварительно корни марены промывают, просушивают и дробят. А потом их измельчают в порошок, чем сейчас и занимается этот человек.

Марк хотел было о чём-то спросить, но надсмотрщик, увлечённый собственным рассказом, не давал ему вставить ни слова.

– Помимо марены есть шафран, корень лотоса, дубовая кора, скорлупа свежих орехов – каждой ткани нужен свой краситель. А там... – Он указал на чан, в который засыпали какие-то листья и заливали их водой. – Делают особенный раствор. Сейчас всё только подготавливают, а завтра раствор будут «бить» лопатами, пока не появятся хлопья синего цвета. Затем выпадет осадок, который извлекут, отжав из него всю влагу, и высушат. Так мы получим ценнейшую краску – индиго. Она даёт самый дорогой из всех цветов – фиолетовый. А тебе какой цвет нравится, хозяин?

– Пурпурный!

Надсмотрщик осклабился, показав редкие зубы:

– Это цвет полководцев-триумфаторов. Маленький господин хочет носить такую тогу?

Марк нахмурился – не хватало ещё, чтобы рабы над ним посмеивались!

– Я буду носить тогу триумфатора! – выпалил он, придав своему голосу столько убедительности, сколько позволял его нежный возраст. – Расскажи мне о пурпуре.

О чудесном красителе надсмотрщик знал довольно много. Ведь он родился в Финикии, неподалёку от Тира. А как известно, только ловкие ныряльщики, рискуя жизнью, достают со дна морского особых улиток, панцири которых потом высушивают, дробят, загружают доверху в свинцовые чаны и разводят над ними медленный огонь. Через десять дней в полученную массу добавляют соль, после чего выкачивают из неё рассол.

– Вон, видишь. – Раб указал на развешанные по двору мокрые тряпки неприглядного серого цвета. – Они окрашены в пурпур.

– Ты издеваешься? Какой же это пурпур?!

И надсмотрщик начал терпеливо объяснять, что настоящий цвет пурпура проявляется не сразу, а после того как хо-рошенечко впитает в себя солнечный свет. Только в том случае пропитанная раствором ткань приобретёт зелёный, затем синий и напоследок багряный оттенок, а окутывающий её сильный запах чеснока позже улетучится.

– Пурпур – самый дорогой краситель. На приготовление щепотки пурпурного порошка понадобится тысяча двести улиток! Представь, сколько денег тебе придётся заработать на свою тогу.

– Когда я вырасту, у меня будет много денег! – не раздумывая ответил Марк.

В очередную поездку в Рим отец снова взял с собой старшего сына. На этот раз он показал мальчику ещё одно семейное приобретение – небольшую прачечную, *фуллонику*, с тремя постоянно горящими печами под огромными бронзовыми котлами и шестью измождёнными трудом рабами при них. Дело оказалось выгодным, так как основная масса римских семей не располагала условиями для стирки белья и одежды в домашних условиях.

Фуллоника представляла собой огороженное верёвками место на улице между домами. Смерд вокруг стоял нестерпимый, но Марк терпел и внимательно наблюдал, как рабы погружали в котлы с горячей водой заношенные до предела туники, тоги, покрывала и простыни. Отстирать ткань одной водой не представлялось возможным. Римляне носили одежду, почти не снимая – до черноты и дыр. Приходилось добавлять в смеси с *сукновальной* глиной раствор соды.

– Отец, откуда такой неприятный запах? – спросил Марк, зажимая себе нос.

Отец рассмеялся:

– Деньги не могут плохо пахнуть, сын мой!

Он объяснил, что слишком грязную одежду и бельё кипятят в моче. В соединении с жиром, оставшимся на ткани от человека, она даёт обильную пену и... всё отстирывает. Мо-

чу забирают из керамических сосудов в общественных уборных, покупая разрешение у муниципалитета.

Пока он рассказывал, один раб влез голыми ногами в чан с одеждой, залитой десятидневной мочой, и начал приплясывать, выжимая грязь и пену. Эта процедура была обязательной. Только после неё одежду вытаскивали из чана, раскладывали на каменной плите и отбивали палками, ополаскивая затем в проточной воде. Выстиранные вещи развешивали для просушки на жердях и верёвках, перегораживая улицы, а чтобы воры не украли, бдительно стерегли. В завершение всего вещи разглаживали каменными валиками, после чего рабы во главе с надсмотрщиком разносили их по домам заказчиков, получая установленную плату.

Каждый день работы красильни и прачечной приносил семье Цицеронов неплохой доход. Кроме того, шли деньги из имения в Арпине. Нужда ощущалась всё реже и уже не столь значительно.

Марк и Луций подрастали. Родители задумывались об их учёбе. Чтобы в будущем мальчики могли занять достойные государственные должности, им нужно было дать блестящее образование. Для этой цели отец не жалел средств, терпения и времени.

Главный наставник

Начальное образование дети в семье Туллиев получали в Арпине, дома. Позже Марк говорил, что ему повезло с детством по той причине, что он не вылезал из отцовской библиотеки. Ещё толком не научившись читать, он благоговел перед *папирусами* и *пергаментами* с трудами греческих и латинских мудрецов. Отец поощрял увлечение старшего сына, говорил, что плохих книг не бывает, от каждой есть чему научиться.

Увлечение чтением дало Марку чувственное восприятие окружающего мира – природу, взаимоотношения людей. Мальчик приходил к ручью, мирно журчащему неподалёку от родительского дома. Заглушая щебет птиц в прибрежных зарослях, он во весь голос пересказывал очередной греческий миф или занимательную легенду о чудовищах и героях. В такие моменты он сам, представляя себя героем, сражался с тёмными силами ради счастья людей, справедливости. Прочитав путевые записи какого-нибудь грека, мальчик «превращался» в бесстрашного путешественника, покоряющего новые земли, знакомящегося с неизвестными ему ранее народами. Ну а ради римского народа и Отечества он готов был к преодолению любых трудностей. Готов был терпеть неудачи, и даже боль. И от осознания этого в юной душе крепла тихая радость, а в голове рождались мысли о пред-

стоящей славе и почёте.

* * *

В зажиточных римских семьях мальчики и девочки общались к традиционному образованию с семи лет, нередко в совместном обучении. Римлянки, в отличие от многих гречанок, с юных лет свободно читали и писали, познавали литературу, имели представление о философии и ориентировались в политике вместе с родителями, братьями и мужьями. Некоторые увлекались астрономией, изучали математику, писали научные сочинения и даже ораторствовали наравне с мужчинами. При этом они успевали исполнять супружеский долг, рожать и воспитывать детей и вести домашнее хозяйство. Как правило, начальное образование детей проходило под наблюдением матерей обученными рабами, вольноотпущенниками или приходящими учителями, чаще выходцами из Греции. Малоимущие родители отдавали детей в «школу», в которой все науки нередко преподавал один учитель.

Семья Цицеронов, как ни стеснена была в средствах, могла себе позволить отдать сыновей на учёбу образованному рабу или наёмному греку, но отец взялся за это сам. Супруга поначалу возражала, а он говорил:

– Я не хочу, чтобы даже самый образованный раб наказывал моих детей, если учение будет даваться им туго, – сёк

розгами, драл за уши... И разве не противоестественно благодарить раба за то, что он учит грамоте детей своего господина?

Отец начал с того, что заставил сыновей заучивать наизусть стихи латинских поэтов. Затем посвятил их в историю родного города – Арпина, объяснив, что малая родина для любого человека – всё равно что мать. Учебные занятия он совмещал с воспитанием – выписывал различные моральные *сентенции*, многие из которых потом вели Марка по жизни:

«Не говори пустое», «Победа любит старание», «Обдумывай дело заранее», «Не будь орлом среди галок», «Деньги не делают душу богаче», «Честно жить опасно, но достойно», «Побеждай врага не только доблестью, но ещё хитростью».

«Среди моих наставников отец оказался главным, поскольку мудрыми словами предохранил меня не только от дурных поступков, но и от дурной славы, – говорил Марк. – Я не пожалею о том, что имел такого отца, и не буду оправдывать себя, как некоторые люди, сожалеющие о том, что их родители не столь родовитые и знатные».

По завершении домашнего образования Марка, понимая, что совместное обучение с другими детьми полезнее индивидуального, отец отпустил сына на занятия в городскую школу Арпина. В школе учебный процесс проходил как добросовестное состязание сверстников, и каждый из них считал для себя делом чести первенствовать, стыдился, если отставал от остальных. К тому же мальчишки приобретали на-

выки общения – ценнейшее для римского гражданина качество.

На уроках грамматики ученики нараспев произносили стихи, разбирали с учителем стилистику, толковали авторские тексты. Помимо освоения законов поэтического творчества они учились воспринимать стихи неотрывно от музыки, человеческих чувств, философии.

Благодаря великолепной памяти и трудолюбию Марк с удивительной лёгкостью осваивал многие науки. Вызывая зависть сверстников, он в точности пересказывал всё впервые услышанное. У него появилось чувство художественного слова, ритма, интонации. Марк приобрёл прекрасную дикцию, выразительность речи и мимику.

В школе юноши также знакомились с законами римского общества, и Марк без особых усилий запомнил древние тексты «Двенадцати таблиц», которым следовать был обязан каждый гражданин. Родители его товарищей по учёбе приходили на занятия, чтобы послушать необыкновенно талантливого мальчика, и было очевидно, что их собственные дети существенно уступают ему в знаниях. Таковы были первые «триумфы» в жизни Марка Цицерона.

На уроках он стремился быть впереди остальных. Раньше латыни освоил греческий язык и удивлял окружающих чтением наизусть «Одиссеи» Гомера, моральных стихов Гесиода, Менандра и басен Эзопа. Усердно изучая латынь, он нередко говорил языком «Анналов» Энния, комедий Невия

и трагедий Нинния. С явным удовольствием декламировал стихи латинских авторов, среди которых выделял Плавта и Теренция. Когда же начались первые занятия по красноречию, которые вёл *ритор*-грек, Марк сразу всех удивил. Непринуждённо, прибегая к остроумным выдумкам, справлялся он с заданием, когда предлагалось составить речь на заданную тему из области истории, мифологии, литературы или общественной жизни. Он часто выигрывал, когда затевалось «судебное заседание», при котором один ученик представлялся обвинителем, другой – защитником обвиняемого. В том и другом случае Марк Цицерон одерживал верх.

Он также увлёкся поэзией, и с возрастом это увлечение не угасло: в восемнадцать лет Марк перевёл на латинский язык стихотворение греческого поэта Арата «Явления» – о расположении звёзд на небе, времени восхода и захода светил. Узнав историю восхождения к славе военачальника Гая Мария – арпинского земляка и родственника Марка по матери, – под впечатлением сочинил «героическую поэму». Она пришлась по вкусу тем, кто знал Мария, и была одобрена знатоками литературы.

Детство и юность в Арпине запомнились Марку как самое безмятежное время, когда после занятий он беспечно играл со сверстниками в кости, орехи, в монетку, в мяч. Случалось, шалуны привязывали с помощью длинной нитки к ветке дерева пустой кошель и подбрасывали его на дорогу. Их забавляло, когда обрадованные прохожие наклонялись, что-

бы поднять «находку», а та начинала «прыгать», как живая. Иной раз их «рассекречивали», и приходилось давать дёру. А это Марка уже совсем не веселило. Худенький и слабый, он избегал подвижных игр и не проявлял интереса к популярным среди его сверстников единоборствам.

Надо заметить, что отец его в этом только поддерживал. Он считал, что шумные забавы не помогут сыновьям стать судебными ораторами или адвокатами. А ему бы хотелось именно этого, поэтому он советовал мальчикам читать больше книг, чтобы «время зря не тратилось, а береглось и копилось для наук».

– Всё у нас чужое, одно лишь время наше. Но часть времени жизни утекает впустую, – наставлял он сыновей. – Позорнее всего потеря его по собственной небрежности, на безделье или на пустые дела. Удержишь в руках день сегодняшней – меньше будешь зависеть от дня завтрашнего.

Глава третья

Прикосновение к Риму

Новые друзья

Родная сестра матери Марка и Квинта в своё время вышла замуж за Гая Акулейона, человека рассудительного и внимательного к родне. Он давно перебрался из Арпина в Рим, где как знаток римского права разрешал споры между гражданами, давал советы начинающим адвокатам. Узнав об успехах Марка, он пригласил обоих племянников к себе для совместного обучения с собственными разновозрастными сыновьями. Братья обучались наукам, набирались ума и выросли вместе.

Руководствовавшийся правилами предков-римлян, Акулейон оказался требовательным учителем. Он не допускал нерадивости, а успехи учеников с удовольствием поощрял. В доме часто появлялись гости, традиционно адвокаты; они вели разговоры, к которым невольно прислушивался юный Марк, запоминал. В его присутствии разгорались горячие профессиональные споры, и юноша негласно участвовал в этих взрослых дискуссиях, улавливая все тонкости словесных поединков.

Однажды Марк увидел в доме дяди Квинта Муция, Сцеволу, выдающегося адвоката и политика. Когда Акулейон поделился с гостем успехами сына свояченицы, тот предложил давать подростку уроки.

Героическую (четырёхсотлетней давности) историю знаменитого предка Квинта Сцеволы, Гая Муция, с детства знал каждый римлянин. При осаде Рима *этрусками*⁶ он проник ночью в лагерь врага с целью убить предводителя. Завязалась схватка, храбреца схватили, а когда стали угрожать смертью, он заявил с бесстрашием:

– Убьёшь меня – к тебе придут другие! Не я один – триста римских юношей поклялись расправиться с тобой, пусть даже ценой собственной жизни!

Враги требовали от Муция выдачи секретов осаждённого города, грозили жестокой пыткой. Он долго молчал, а потом вытянул правую руку над огнём и так держал, пока рука не обуглилась. При этом ни один мускул на лице героя не дрогнул. Враги были настолько поражены этим, что отпустили римлянина. На следующий день этруски заключили с Римом мир, а за Гаем Муцием закрепилось прозвище Сцевола, что означало «левый»...

Новый наставник, немощный человек преклонного возраста, обладал редким юридическим талантом и колоссальным опытом выступлений в суде, что позволяло ему стоять

⁶ Этруски – древняя цивилизация, населявшая в I тысячелетии до нашей эры северо-запад Апеннинского полуострова (современная Тоскана).

как минимум на одну ступеньку выше самых известных адвокатов. Квинт Сцевола часто прибегал к изложению дела с помощью философских категорий, что для судебной практики представлялось занятной диковинкой. Глубокие суждения, основанные на мудрости греков и римлян, меткие высказывания поражали воображение слушателей. При этом Сцевола умудрялся не напускать на себя раздражающей людей важности, естественной для знаменитостей. Двери его дома для друзей, *кlienтов* и обычных любопытствующих личностей не закрывались до глубокой ночи.

Вместе с другими учениками Марк Цицерон почти ежедневно получал уроки Сцеволы по ораторскому искусству. В общении учитель оказался мягким и предельно учтивым. Он никогда не говорил о собственной старости, но любил повторять, что «смерти избежать никто не в силах». Однажды кто-то из гостей спросил хозяина, сколько ему лет, на что тот ответил:

– Угодно ли нам заботиться о том, сколько лет мы ещё проживём? Лучше задуматься, должным ли образом мы живём. Ибо жить по правилам – доступно каждому, а жить, сколько захочется – никому.

В другой раз Марк услышал, как Сцевола доказывал Акулейону, что не следует бояться смерти.

– Мы не сразу попадаем в руки смерти, а постепенно, шаг за шагом, – «успокаивал» старик более молодого собеседника. – Мы умираем каждый день, поскольку каждый день те-

ряем частицу жизни. К смерти каждый из нас идёт своим путём, а когда приходит наш день, мы этого не замечаем. Только нельзя забывать, что каждый день – это ступень жизни. А счастливее всех тот, кто без тревоги ждёт завтрашнего дня.

Заметив, что Марк прислушивается к их разговору, Сцевола поманил его пальцем. Когда тот приблизился, наставник положил руку ему на голову.

– Молодой человек, не слушай старика! – произнёс он, потрепав юношу за волосы, и улыбнулся. – Тебе и твоим товарищам не следует всё время думать о завтрашнем дне. Живите в настоящем, но учась на прошлом.

А когда при Сцеволе кто-нибудь начинал сокрушаться по поводу неблагоприятных поступков молодёжи, он качал головой и спокойно говорил:

– Всё, что сейчас происходит с нами, ничем не отличается от того, что происходило с нашими предками и будет происходить с потомками в будущем. Только действующие лица были и будут другие.

Хозяин дома не подавал виду, что он едва находил в себе силы вставать до рассвета и приступать к работе над очередным сочинением.

При Марке старик писал труд «О полезности человека для общества». Мысли, которые в нём излагались, Сцевола поручал копировать домашним рабам и раздавать всем желающим. На занятиях он терпеливо выслушивал учеников, делал им замечания, исправляя неправильно составленную

речь. Обращая внимание на ораторские способности Марка и его стремление выделиться среди товарищей, учитель наставлял:

– Вечная слава и почёт? Суэта! Всё мимолётно! Известность и слава оратора – всего лишь суд толпы, состоящей из глупцов и подлецов. Люди толпы живут, точно в гладиаторской школе – с кем сегодня пьют, с тем завтра дерутся на смерть.

На занятиях Сцевола держал в левой руке ветку лавра или мирта, оживлённо жестикулировал, пересказывая речи греческих ораторов на судебных процессах. Утверждал, что таким приёмом сосредоточивает на себе внимание судей.

– Вам не следует считать, сколько дней вы провели на уроках со мной, – говорил он назидательно, – лучше «взвешивайте» себя – задумывайтесь над тем, что за это время у вас прибавилось в голове...

Став известным адвокатом, Цицерон во время суда часто держал в руке веточку лавра...

* * *

Дом старого оратора посещали разные юноши, в том числе из аристократических семей. Среди них был Тит Помпоний, который сразу расположил к себе Марка. Внешне спокойный, мягкий в обращении с окружающими, на уроках Помпоний был не по-детски сообразителен и принципиален.

лен, он всех поражал обстоятельностью своих суждений. Его отец, имевший чрезвычайную потребность в знаниях, чтении книг, сам обучил сына полезным наукам, доступным для понимания в его возрасте.

Общаясь с Титом Помпонием, Марк научился рассуждать на разные темы, отстаивать своё мнение, даже если оно не совпадало с мнением собеседников или, что было вообще верхом смелости, учителя.

Да, поначалу нелегко было переносить преимущество товарища в учёбе, но Марк с усердием навёрстывал то, чего ему недоставало по природе. И вскоре их негласное соперничество, кстати, поощряемое Сцеволой, переросло в крепкую дружбу.

В доме Сцеволы Марк Цицерон также сдружился с Гаем Марием Младшим, сыном известного военачальника, могущественного политика (с именем которого римляне связывали мрачные эпизоды гражданской войны – репрессии против политических оппонентов, судебные преследования, террор), и с Марком Пизоном, юным представителем древнего плебейского рода, в котором были и героические военачальники, и государственные деятели. Пизон свободно владел греческим языком, и Марк, чтобы не отстать от товарища, принялся следом усердно изучать этот язык. Спустя время Цицерон преуспел в декламациях и в спорах с соперником уже мог ловко парировать его доводы по-гречески.

Это было честное соперничество, возможное только меж-

ду людьми, которых связывает истинная дружба. А что такое истинная дружба, Марк усвоил прекрасно, и когда кто-нибудь спрашивал его об этом, он, не задумываясь, отвечал:

– Дружить – не означает получать какую-либо награду от другого человека. Ведь друг для каждого – это второй он сам...

* * *

Размеренная жизнь семьи Туллиев завершилась со смертью Гельвии, матери Марка и Квинта. Это обстоятельство, как и пребывание сыновей у римских родственников, побудило отца оставить арпинское имение на управляющего, *виллика*, и окончательно переселиться в Рим. На тот момент Марку исполнилось шестнадцать лет. Отец понимал, что огромный город давал прекрасные возможности в образовании и служении отечеству.

– Вся Италия – наше с вами отечество, – говорил он, будто оправдываясь перед детьми за то, что оторвал их от малой родины. – А для римлянина отечество гораздо дороже жизни!

Незадолго до этого глава семейства исполнил гражданские обязательства перед государством, выплатив налоги в казну. Отразил в государственном реестре стоимость своего состояния в имуществе и деньгах с превышением четырёх-

сот тысяч *сестерциев*⁷. Это позволяло на законном основании закрепиться во всадническом сословии. В таком случае дети Марка Туллия Цицерона Старшего получали дополнительные гражданские права и привилегии при занятии государственных должностей. Самой почётной из привилегий являлось участие в военных действиях в конном отряде при главнокомандующем армией – на собственном коне и при боевом снаряжении, приобретённом на личные средства. Воины из плебеев и *пролетарии*⁸ получали оружие и защитные доспехи из казённых арсеналов.

Реально воспринимая ситуацию, отец понимал, что при существующей системе власти сыновьям высоких должностей не занять, и надеялся увидеть их знаменитыми адвокатами, которые громкими судебными процессами неплохо зарабатывали.

⁷ Сестерций – основная денежная единица, монета из серебра.

⁸ Пролетарии – в Древнем Риме неимущий класс граждан.

Кружок Циципона

Общение юного Цицерона с Квинтом Сцеволой получило неожиданное развитие. Однажды к старику пришёл его зять, Луций Лициний Красс, исполнявший обязанности *цензора*. Это была одна из самых высоких должностей в республике. На цензоров возлагалась обязанность «наблюдать нравственное состояние римлян», чем они и занимались с озабоченностью. В тот день Красс привычно начал высказываться о поверхностном преподавании красноречия на латинском языке, возмущался существующим уровнем образования юношей и их поведением:

– Когда я смотрю на нынешнюю молодёжь, с ужасом понимаю: чем славнее жизнь наших предков, тем позорнее нерадивость потомков. Новшества, творимые вопреки обычаю и нраву предков, представляются неправильными и нежелательными.

Он убеждал сенаторов, что появление в Риме учителей латинского красноречия, «не имеющих об этом чудесном предмете представления», чревато опасными последствиями в обществе. Предлагал особым указом запретить содержание ораторских школ с такими учителями, а «тем, кто привык посещать их, говорить, что это позорно».

Сцевола рассказал Крассу о Марке и попросил уделить ему внимание. На следующий день юный Цицерон стал уче-

ником знаменитого оратора.

* * *

Посещая дом Красса, расположенный в Палатине, самом богатом квартале Рима, Марк Цицерон не переставал изумляться его впечатляющим размерам и роскоши внутреннего убранства. Вместительный зал-прихожая, *вестибул*, сверкал белизной алебастровых стен; на полу выложено мозаичное изображение богини домашнего преуспеяния Салюты – *салютация*, или традиционное приветствие входящему в дом.

При входе в главное помещение – *атриум*, где происходили важные события: заключение браков, наречение именем младенцев, погребальные обряды, приём клиентов, – стояло высокое супружеское ложе с кожаными головными валиками, убранное дорогими тканями. У каждого из супругов отдельные спальни, а эта являлась данью предкам и символизировала крепкую римскую семью.

Внутри атриума сумрачно – через квадратное отверстие в потолке просматривалось лишь небо. А когда становилось совсем темно, зажигали настенные светильники, *лампадарии*, питающиеся от прогорклого оливкового масла. Мозаичный пол здесь светлых тонов. Марку нравились изображённые на нём птицы в полёте и лесные звери, особенно дикий кот, охотящийся на зазевавшуюся куропатку. В углу, как было заведено исстари, стоял бронзового литья бюст хозяина

дома. Глядя на него, Марк каждый раз отмечал, что у Луция Красса выдающийся лоб и безжалостный к врагам Рима взгляд. В центре атриума находился очаг, олицетворявший семейный быт, уют – то, что было так дорого любому римлянину. В холодное время года прокопчённый десятилетиями очаг оживал, направляя дым к выходу через дыру в потолке.

Деревянный шкаф в виде храма, с треугольным фронтоном и двумя поддерживающими его колоннами, как и спальное ложе, стоял у входа в атриум. Это домашнее святилище с восковыми изображениями семейных предков римляне называли *ларарим*.

Каждое утро, как в тысячах римских домов, глава семьи, обязательно в синем одеянии, совершал обряды в честь *ларов*, божеств-покровителей семьи, возлагал в чашу подношения, затем возжигал благовония и произносил молитвы...

Деревянный сундук, в котором хранились важные семейные документы, письма, деньги и ценные вещи, стоял на видном месте. Марк удивился, но, заметив, что металлические скобы, охватывающие днище сундука, прикреплены к полу, понял, что у грабителей нет шанса даже сдвинуть его с места.

С трёх сторон от атриума находились кухня и два *триклиния* (обеденных зала разных размеров – для членов семьи и для званых ужинов), а также множество жилых и подсобных помещений. В самих помещениях и в проходах между ними стояли статуи из лучшего *гиметийского* мрамора; мебель из ценных пород дерева с инкрустацией слоновой ко-

стью. Изящные греческие вазы на столах и на полу, картины на мифологические сюжеты – всё это свидетельствовало о достатке хозяина и его хорошем вкусе.

Занятия с юными учениками Красс проводил в просторной библиотеке, украшенной барельефами сцен из гомеровских поэм. На стене напротив входа он распорядился в своё время изобразить мозаичную «карту мира» – с Римом в центре *Ойкумены*, обитаемой земли. Красс мог подолгу созерцать её, размышляя о величии римского государства.

Он приходил на занятия в свободное от публичных выступлений время, устраивался удобно в кресле и начинал говорить о том, что считал полезным. В этот момент перед ним мог находиться кто угодно – ученики с родителями и без них, друзья, знакомые или случайные клиенты. Отрешённый от всего бытового, учитель вёл свой урок, восхищая слушателей, как гениальный актёр – зрителей на спектакле. Его речь лилась непринуждённо, словно вода из перевёрнутого кувшина. Виртуозно играя с интонацией и смыслом слов, Красс умел донести до аудитории главное. Марк слушал оратора, как замороженный, погружаясь в мечту о собственной карьере адвоката.

Посещение занятий, проводимых Луцием Крассом, окончательно утвердило юного Цицерона в намерении стать судебным оратором. Но таким знаменитым, как учитель! Чтобы блистать, как он, «не только силой, но и изящной словесностью», обладать индивидуальной образностью мышления,

душевным спокойствием и прекрасной дикцией, в речах в зависимости от ситуации быть то сдержанным, то язвительно-насмешливым, то печальным, то утончённым и немного легкомысленным, а в итоге – неожиданно безжалостным к оппоненту.

Однажды Марк присутствовал на судебном заседании, где наставник выступал в роли обвинителя. Его оппонентом был Домиций, известный адвокат, который из желания уязвить Красса рассказал суду о вопиющем, по его мнению, случае, когда тот «оплакивал гибель любимой рыбки из бассейна, как близкого человека, и велел похоронить по обряду».

– Мой друг и коллега Домиций прав, – начал Красс, расплываясь в широкой улыбке, – я в самом деле плакал. Каюсь! Но только потому, что не обладаю стойкостью, какой обладает мой друг Домиций: ведь он не проронил ни слезинки, похоронив трёх своих жён, умерших поочерёдно.

Шумное одобрение присутствовавшего на суде народа, громкий смех, злые выкрики в адрес Домиция и аплодисменты Крассу приостановили на время судебное разбирательство.

Марк запомнил несколько советов Красса, касающихся не столько произношения или позы оратора и его жестов, сколько внутреннего смысла и стиля речи.

– Нужно не перебивать оппонента, – говорил он, – а, наоборот, позволить ему выговориться, чтобы обнаружить в сплетении слов его прорехи и недостатки, чтобы затем уме-

ло подготовленной речью взять над ним верх.

Как правило, в конце каждого занятия ученики пускались в споры по заданной теме. Учитель замирал в молчаливом ожидании окончания речей, не вмешивался и не подсказывал, чтобы потом сделать замечания и дать оценку. Отмечал лучшего оратора, награждая званием маленького триумфатора в ораторском искусстве. При этом призывал остальных радоваться за победителя, не жалея восторженных слов. Марк часто провозглашался «триумфатором», хотя узнавал и немало о своих недостатках, после чего с особым усердием избавлялся от них.

Однажды Красс появился у ребят в отличном настроении и с порога произнёс:

– Пятна крови врагов глазу приятны!

Как выяснилось, он вернулся с судебного заседания, чрезвычайно трудного для него. Вернулся победителем. Даже не отдохнув, он предложил ученикам вынести судебное решение в вымышленной ситуации:

– Перед смертью богатый старик призвал троих сыновей – адвоката, врача и философа – и предложил: «Кто из вас приносит больше пользы людям, тому наследовать имущество и деньги».

Красс хитро прищурился.

– Как вы думаете, кому отец отдал наследство?

Посыпались предложения одно мудрее другого.

– Только философ учит граждан мудрости – тому, как по-

лагается жить, переносить тяготы, скорби и радости и как достойно умереть, не потеряв себя в бедности и процветании, – предположил первый ученик.

– Наследство отца заслуживает только врач, – не согласился его товарищ. – Своим божественным ремеслом он способен облегчить людям телесные страдания, дать им возможность снова радоваться жизни. Это означает, что врач полезнее других для людей.

Марк предложил иную версию:

– Имущество отца пусть унаследует адвокат. Не зря народ называет судебных ораторов защитниками обиженных.

Красс немного подумал и подвёл итог «состязания»:

– Речь каждого из вас полна достоинств и убедительных доводов. Всё говорит о том, что не зря вы проводите время со мной, а я – с вами. Тот, кто предложил в наследники философа, без сомнения, прав, как и его товарищ, предложивший врача. Но я соглашусь с Марком Цицероном. Адвокат, в отличие от всех остальных, способен выволить людей из жестокой беды лишь искренностью доказательств и силой убеждения, растопив жаром слов своих сердца судей.

В следующий раз Красс предложил другую тему:

– Друзья мои, давайте посмотрим, можете ли вы отличить виновного и невиновного. Вот вам случай. Комендант осаждённого города запретил ночной страже открывать ворота, что бы ни случилось снаружи. В эту же ночь у ворот появились люди. «Мы свои, – кричали они, – бежали из непри-

ательского плена!» Они умоляли пустить их в город, ибо от преследователей им грозила смерть. Однако, помня строгий приказ, командир не внял мольбам беглецов. Случилось страшное – враги действительно настигли их и убили прямо у ворот, за которыми они могли найти спасение.

Наставник оглядел насторожившихся ребят.

– Вам судить героев этой истории, – произнёс он, – но дослушайте меня. Неприятель снял осаду и отступил, после чего командира той самой ночной стражи обвинили в измене. Он не спас воинов, взывавших о помощи, его ожидала смертная казнь. Однако судьи не посмели вынести приговор и приняли предложение главного судьи – положиться на волю богов... Принесли «вазу правосудия», бросили в неё два черепка, на которых должны были быть надписи «жизнь» и «смерть»... Как вы думаете, что было дальше?

Кто-то из учеников предположил, что обвиняемого заставили тянуть «божественный жребий». Остальные его поддержали – все, кроме Марка. Он же уверенно заявил:

– Дело непростое. Судьи не могли вынести смертный приговор командиру, поскольку он выполнял приказ. Кто-то скажет, что в таком случае следовало бы наказать коменданта. Но и такое решение не имело смысла. Прежде всего виноваты в собственной смерти воины, позволившие врагу себя пленить. И они уже наказаны, их убили враги. Скорее, судьи на обоих черепках написали слово «жизнь»... Я делаю такой вывод.

– Но разве судьи тем самым не нарушили закон о чистоте судебных решений? – попытался вмешаться наставник.

Марка это только подзадорило.

– На месте обвиняемого командира – продолжил он, – я бы оправдывался так: «Уважаемые судьи! Я настолько уверен в вашей добросовестности, в вашей честности и желании соблюдать законы предков, что попрошу кого-нибудь из вас вытянуть один черепок. Не читать его и никому не показывать. Другой же черепок я принимаю не только как ваше справедливое решение, но и как волю богов». Я уверен, что судьи, посоветовавшись, оправдали бы обвиняемого.

...И Марк снова ощутил себя триумфатором...

Когда пришло время прощаться с учениками, Красс оглядел каждого из них долгим взглядом, словно запоминая их лица, и произнёс напутствие:

– Я расстаюсь с вами, и от этого в душе моей печаль. Надеюсь, что, когда вы повзрослеете, мне не придётся сожалеть о затраченном на вас времени. А пока вы юны и беззаботны, продолжайте питаться науками. Добрые знания украсят вас в счастье и послужат убежищем и утешением в горе и лихолетье... И в старости принесут усладу...

* * *

В юные годы у Цицерона было много кумиров, в их числе – Публий Корнелий Эмилиан Сципион, легендарный полково-

водец, прекративший войну Рима с Карфагеном. Но Марка поражали не героические истории, а отношение победителя к противнику. Хотя с карфагенянами Сципион и поступил жестоко, в Испании он отказывался делать рабами местных жителей, хотя Рим в них остро нуждался. Предложил ремесленникам трудиться на римскую армию, обещая свободу и неприкосновенность имущества и жилья. Позиция римского военачальника многим показалась непривычной, но оправданной, выгодной для обеих сторон.

У Сципиона было немало других достоинств. Немало молодых римлян, готовясь к служению Отечеству, воодушевлялись его деяниями. В Риме и других городах республики образованные и рассудительные граждане объединялись в своеобразные кружки друзей Сципиона. Одни с энтузиазмом описывали его военные подвиги, сочиняли эпические поэмы, другие собирали его речи и декламировали их на злобу дня. Вихрь всеобщей влюблённости в легендарный образ Сципиона Африканского захватил римлян разного возраста и политических убеждений.

Марк Цицерон не остался в стороне, но, слушая восторженные речи участников патриотических встреч, он обращал внимание и на другие моменты биографии Сципиона. К своему удивлению, Марк узнал, что его герой часто говорил о счастье римского народа, о необходимости высокой нравственности в гражданском обществе, о судебной справедливости и ответственности всех и каждого перед законом. На-

прашивался вопрос: почему его мечты не осуществились?

Из общения с мудрыми наставниками Марк Цицерон понял: одно дело – знать, что такое счастье, а другое – знать, как его добиться, и постараться сделать так, чтобы его хватало на всех. Разве не правда, что один ищет счастье в весёлых развлечениях и роскоши, а другой – в честолюбивых должностях, в толпящихся вокруг клиента либо в науках, в славе полководца или оратора?

Цицерон надеялся, что он с друзьями приблизит мечту Сципиона. Необходимо лишь найти единомышленников – честных, мужественных и справедливых.

Побеждённый победитель

В конце II века до нашей эры, после Карфагена, римляне обратили взоры на Восток, где малоразмерные государства с греческим населением, *полисы*, безуспешно пытались освободиться от гегемонистских настроений македонского царя Филиппа V. Собственных сил не хватало, и они попросили вмешаться Рим. Римский Сенат вошёл в положение греков и вскоре направил в Грецию легионы Тита Квинкция «для защиты свободы населения». Македонии объявили войну на том основании, что Филипп намерен возродить империю Александра Великого в прежних границах. После ряда сражений Македония приняла унижительные условия Рима и забыла думать о Греции как о собственной вотчине.

Население греческих городов радостно отмечало это событие. В Коринфе прошли знаменитые всегреческие Истмийские игры с участием конных колесниц, сильнейших атлетов Греции, известных поэтов и музыкантов. На играх присутствовал почётный гость – Тит Квинций. Обратившись к собравшимся грекам, он сказал:

– Отныне все народы, прежде подвластные Македонии, получают свободу! Все города Греции освобождаются от податей македонскому царю и с этого времени могут жить по собственным законам.

Ликованию греков не было предела. Радость в домах и

на улицах городов не иссякала много дней, изливаясь в торжествах, благодарственных рассуждениях и речах, обращённых к Риму и римлянам. Но с этого момента греки решали все свои проблемы через посредство Рима. Из городов ушли македонские гарнизоны, их казармы заняли римские воины. Греческие власти избирались с одобрения римского наместника, а негодные Риму в должностях долго не удерживались. В наследство от Греции римляне получили доступ к старинным колониям греков в Малой Азии, а Сирия и Египет потеряли независимость. В итоге Восточное Средиземноморье обрело нового господина – Римскую республику.

* * *

С этого момента древняя культура Эллады начала распространяться на территории Римской республики. В страну потекли нескончаемые потоки образованных греков – рабов и свободных граждан, одним только своим присутствием повышавших уровень *интеллигентности* римского общества.

Но в Греции актёры, врачи, педагоги, художники, поэты, архитекторы и ваятели пользовались заслуженным уважением и почётом. Римляне же считали эти профессии недостойными, служащими лишь средством к существованию. Даже мудрейший политик и писатель Марк Порций Катон Старший призывал к изгнанию греческих врачей из Рима «как тайных отравителей».

А между тем вместе с «рабской интеллигенцией» из Греции прибывали тысячи секретарей, стенографов, библиотекарей и писцов, которые тоже вносили свой вклад во всепоглощающую римскую культуру. Рабское происхождение имели ставшие римскими знаменитостями *комедиографы*⁹ Публий из Карфагена и Цецилий из Галлии, *мимограф*¹⁰ Публий из Сирии. Грек Андроник из Тарента написал для римского театра первую латинскую драму, заказанную к началу Всеримских игр. С его лёгкой руки римляне познакомились с «Одиссеей» Гомера в переводе на латинский, что вызвало небывалый интерес к греческому эпосу. Следуя моде, Андроник открыл для молодых римлян первую школу, в которой изучались греческие науки, что вызывало раздражение сторонников римских традиций.

За первой волной пленных в республику приходили уже наёмные преподаватели греческого языка, *грамматики*, и учителя красноречия, *риторы*. Это происходило неспроста – римляне превосходили греков в военной тактике и социальной сплочённости, но не преуспевали в искусстве, литературе, научных знаниях и философии. Из Афин, с Родоса и из греческих городов Малой Азии в Рим потянулись бродячие учителя мудрости – *софисты*. Молодые римляне с необыкновенным рвением осваивали певучий язык эллинов, восхищались чужой культурой, в частности, красноречием и лю-

⁹ Комедиограф – сочинитель сценических комедий.

¹⁰ Мимограф – сочинитель сценических мимов.

бомудрием, как называлась философия.

Римские поэты приспособлялись к принятым в Элладе стихотворным размерам, а юристы в поисках лучших примеров правосудия обращались к законодательству Афин, Спарты, Эфеса и других городов Греции. В архитектурных сооружениях римлян угадывались мотивы греческого зодчества, прославленного шедеврами Гермогена, Гипподама, Калликрата, Пифея. Для внутреннего убранства домов богатые римляне заказывали изваяния греческих богов и мифологических героев. И когда Марк Цицерон спросил однажды у своего учителя Сцеволы о причинах подобного увлечения, он не ожидал услышать в ответ:

– Римлянин не признается, что родословная его народа идёт от грека Энея¹¹, имеющего прямое отношение к Ромулу – первооснователю Рима. Отсюда и тяга ко всему греческому.

Римская знать заказывала для своих загородных вилл греческие скульптуры в бронзе и мраморе – по принципу «чем крупнее и дороже, тем лучше».

Наличие собрания рукописей греческих авторов в виде

¹¹ Эней из Трои – герой древнегреческого мифа, сын царя Анхиза и Афродиты. После сожжения Трои бежал с товарищами на корабле. В Италии женился на Лавинии, дочери царя *латинян*. От Нумитора, правнука Энея, появилась дочь. Плодом её любви с богом Марсом стали близнецы Ромул и Рем. По древнеримской легенде младенцы были вскормлены волчицей, а воспитывались в семье пастуха. Позже во время одной из ссор между уже повзрослевшими братьями Ромул убил Рема и стал основателем Рима, первым царём римлян.

«библиотеки» элитой признавалось хорошим вкусом. Эту моду завёл Луций Эмилий Павел, военачальник и разоритель греческих храмов. Из Греции он вывез в качестве трофеев тысячи бесценных свитков из богатейшего собрания македонских царей. Неграбленной оказалась лишь Олимпия, где Павла «обуял благоговейный трепет» перед величественной статуей Зевса работы Фидия. Он не позволил войску бесчинствовать и увёл его прочь, сохранив любовь к Элладе до конца жизни.

* * *

Интерес к культуре Греции огромной части жителей Римской республики долго не иссякал. В римских театрах ставили спектакли по пьесам лучших греческих драматургов. Молодёжь из зажиточных семей устремлялась в Грецию для обучения в школах высшего философского уровня – в Академию Платона и аристотелевский лицей в Афинах, в коринфскую «Школу искусств», в «Пифагорейскую школу» на Самосе или в «Сад Эпикура» на Лесбосе. Наиболее любознательные слушатели отправлялись в Египет, чтобы посетить известную Александрийскую библиотеку, в Пергам или на Родос.

Возвращаясь домой, молодые римляне смотрели на мир вокруг себя уже по-другому и привносили в жизнь общества новое содержание.

Марк Цицерон, общаясь с ними, видел, как «из Греции в Рим впадает не ручеёк, но бурный поток культуры и учёности»... И ему захотелось испить из него...

Знакомство с любомудрием

Общение с Крассом, Сцеволой и другими наставниками послужило причиной увлечения молодого Цицерона греческой *риторикой* и философией. В какой-то момент он понял, что философия даёт редкую возможность познать законы природы, человеческого общества «через созерцание и анализ увиденного». Посещая товарищей по учёбе, Марк нередко присутствовал при «разумных» разговорах их родителей с гостями.

Во время одной из таких бесед он услышал имя *скептика*¹² Карнеада из Кирены, который удивил римлян тем, что мог сегодня прославлять справедливость, призывая «сделать её основным мотивом поступков», а назавтра так же аргументированно доказать, что «справедливость вовсе не должна быть основным мотивом в поведении людей». И каждый раз слушатели поражались энергии и красноречию оратора, чистоте его языка и умению донести оригинальные мысли до их сознания. Этот приём порастил молодого Цицерона, позже он часто применял его в адвокатской практике в самое неподходящее для противоположной стороны время.

Позже последовало знакомство с учением Филона из Ларисы. В отличие от остальных греческих мыслителей, он

¹² Скептик – последователь *скептицизма*, философского направления, выдвигающего сомнение в возможностях мышления, в надёжности истины.

смотрел на философию как на медицину, только направленную на очищение души от ложных мнений...

Изучая труды этого мыслителя, юный Цицерон понял, в чём состоит главное отличие мудрости от философии. Мудрость, оказывается, «есть совершенное благо человеческого духа, философия же – любовь и стремление к мудрости». Между ними имеется разница, «какая бывает между жадностью, которая желает, и деньгами, которых желают...» Иными словами, мудрость есть конечный итог философии и награда за неё...

Мысли Филона о том, что «латинский мир нуждается в соединении со всем греческим», были близки взглядам Марка. Юноша также искал в работах философа выводы о законах государства и правилах частной жизни. По этому поводу он даже как-то затеял *симпосий* с друзьями, Помпонием и Пизоном, которых тоже интересовало отношение римлян к исполнению законов, к власти. Помпоний был уверен, что государство обязано удерживать граждан от нарушения законов, проявляя характер и волю. Он резко заявил:

– Против нарушителей однажды установленного правопорядка власть обязана проявлять диктатуру закона. В случае необходимости народ позволит над собой узурпацию власти одним человеком или группой доверенных лиц только на время.

– В таком случае налицо проявление террора, установление власти тирана! – возразил Пизон.

– Это как временная необходимая мера, которая не имеет оправданного продолжения после установления республиканского строя и порядка.

Марк поддержал Помпонию:

– Республика даже с чрезмерной демократией не обойдётся без насилия. Иначе восторжествуют безумие и произвол толпы, наступит охлократия!

Друзья не раз ещё возвращались к самой болезненной для республиканцев теме – диктатуре власти – и сошлись на том, что лучшего политического строя, чем республика, нет и не предвидится. При республиканском строе стремление людей к неограниченным свободам не встречает препятствий. «Res publica» означает подчинение государственных дел (*res*) воле народа (*publica om populus*). Ведь народ есть соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов. При этом каждый гражданин властвует над государством, в котором общественное устройство не позволяет развиваться гражданским страстям и вытекающим из них конфликтам.

Глава четвёртая

Новичок на форуме

Прощание с буллой

В семнадцать лет у Марка состоялось прощание с детской *буллой* – амулетом, призванным отгонять злых духов и защищать от «дурного глаза». Юноша становился «кандидатом в мужчины», которого впереди ожидали особый обряд посвящения и получение «тоги зрелости». Для молодого человека кусок ткани, казалось бы, означал в ближайшем будущем получение прав гражданина Рима, «владыки мира».

Детство Марка Цицерона ушло безвозвратно, с юностью он попрощался и готовился через три года вступить в возраст мужчины. Ему доверят оружие, он станет защитником Отечества. Ему будет позволено избираться на государственные должности, чтобы служить римскому народу ради процветания и могущества Рима. Но он понимал, что прежде необходимо получить достойное образование.

Материальное состояние семьи Цицеронов не позволяло Марку продолжить учёбу в Греции или Египте, как многим представителям римской аристократии. Приходилось довольствоваться уроками заезжих греков, слушать пылкие

призывы известных политиков на Форуме и обстоятельные защитные речи модных судебных ораторов в залах заседаний. Он был уверен, что когда-нибудь станет одним из них.

* * *

В стремлении овладеть профессией Марк чуть ли не каждый день появлялся на римском Форуме, который к этому моменту стал главным центром политической, религиозной и экономической жизни республики. С утра до вечера здесь колыхалось оживлённое людское море. Зачем римляне сюда шли? Встретиться с друзьями, поговорить, «собрать» последние слухи, обменяться новостями или просто понаблюдать за происходящим вокруг. Форум посещали не только богатые и знатные горожане, свободные от забот и охочие до обстоятельного времяпрепровождения. Пролетарии, ремесленники, вольноотпущенники тоже стремились хотя бы раз в день попасть на главную площадь Рима.

В особые дни, когда народ ожидал каких-либо важных решений от сенаторов или предложений от политиков, Форум ещё больше оживлялся. С утра каждый старался занять место ближе к ораторским трибунам – рострам, – с которых выступающие произносили свои речи. Случалось, что ораторствовали здесь целый день, до самого вечера, и никакая непогода не пугала ни выступавших граждан, ни слушателей. Но едва солнце опускалось за крыши домов, все расходились

до следующего утра.

Всё, что Марк видел или слышал на Форуме, могло быть полезно ему потом в профессии. Вот, к примеру, четверо рабов, рослых и сильных, несут закрытый занавесками *паланкин*, явно принадлежащий знатному римлянину. Его непременно сопровождает толпа рабов-телохранителей, помощников и секретарей, клиентов и верных слуг. Они расталкивают прохожих, шумят, успевая ссориться между собой из-за того, кому идти ближе к паланкину. Чем многочисленнее сопровождение такого римлянина, тем большим уважением в обществе он пользуется.

Изредка через Форум к зданию Сената проезжает позолоченная повозка. По закону только консулу как первому лицу республики разрешается ездить по Риму в крытой конной повозке. Впереди бегут двенадцать официальных порученцев-*ликторов* с атрибутами высшей должностной власти – пучками розг, *фасций*, с воткнутыми в них топориками. За повозкой несут *курульное* кресло, без спинки, на котором консул восседает в Сенате. Если кто-то замешкается и не уступит консулу дорогу, ликторы его тут же отстегают *фасциями* или сбросят в придорожную канаву...

На Форуме повсюду можно увидеть разновеликие статуи богов и военачальников из мрамора и бронзы. Горожане привычно назначали рядом с ними деловые встречи, обсуждали сообщения с мест сражений, успехи и поражения римских полководцев, ругали или хвалили представителей пра-

влящей партии, называли имена кандидатов на государственные должности, узнавали о проектах новых законов и ближайших выборах, праздниках и театральных спектаклях. В толпе мелькали заросшие бородами лица греческих мудрецов в плащах из грубой шерсти. Слышались пронзительные голоса разносчиков еды, фруктов и напитков... А порой ловили воришек, и до того как передать стражникам, их топтали ногами и били чем попало, но не до смерти. Пьяницы и попрошайки были тоже не редкость для Форума...

Через Форум пролегала Священная дорога, по которой в определённые дни шли процессии к храмам Юпитера, бога плодородия Сатурна. Под Триумфальной аркой проходили торжественные шествия с показом военных трофеев и богатых контрибуций; в них участвовали тысячи людей. На Форуме происходили всенародные прощания с умершими царями и полководцами – знатные покойники получали последние напутствия римлян. Во время этих прощаний устраивались похоронные игры со сражениями воинов и гладиаторов. В другое время здесь же состязались музыканты и поэты, выставлялись произведения искусства. Отцы приводили на Форум сыновей, надевших тогу мужчины, чтобы представить обществу новых граждан.

В портиках-*базиликах* располагалось судебное производство. Для этого в них имелись трибуны для судей и *претора*, должностного лица, наделённого судебной властью. В соседних строениях днём шумели пёстрые торговые ряды, полные

продавцов и покупателей, а ночью в них полновластно хозяйничали уборщики, сторожа и бродячие собаки. Над боковыми галереями базилик устраивались проходы-*хоры*, где гуляла праздная публика, наблюдавшая за всем, что происходило внизу.

Марка Цицерона на Форуме привлекали прежде всего ростры для выступлений ораторов. Эти каменные возвышения принято было украшать стилизованными носами (*рострами*) пленённых римлянами вражеских кораблей, отсюда название. Нечасто Марку удавалось пробиться к рограм, поближе к ораторам. Но наблюдение за людьми со стороны для него тоже представлялось интересным занятием. Слушавшая оратора толпа под воздействием его речи волновалась, словно растревоженное ветром море; возбуждаясь, она готовая была превратиться в уничтожающую всё на своем пути стихию. Марк убеждался, что бесплотное слово умелого оратора представляет собой грозное оружие. Без лишнего труда и применения физического насилия оратор завладевает умами и душами людей, повелевает толпой и принуждает её к безвольному действию по его желанию.

* * *

Адвокаты, активно занимавшиеся судебной практикой, обязывались давать бесплатные консультации любому гражданину по частным вопросам, как и сенаторам во время под-

готовки законопроектов. Встречаясь на Форуме или на Народном собрании в других местах, римляне свободно обсуждали предложения политиков и государственных деятелей, они имели право присутствовать на судебных процессах по уголовным делам и государственным преступлениям.

Намереваясь заняться адвокатской практикой, Марк ежедневно приходил на Форум, где терпеливо дожидался, когда кто-либо из граждан попросит его разъяснить тот или иной закон, и радовался, когда видел, что помог человеку. Друг Помпоний не поддерживал его в этом.

– Да избавят меня боги от общения с неучами! – говорил он с нескрываемым пренебрежением.

Но Марк отвечал на это:

– Мне нетрудно уделить время человеку, нуждающемуся в моих советах, когда я уверен в своих знаниях. А отсиживаться дома и трактаты сочинять о праве или составлять судебные инструкции каждый юрист способен. Народ ожидает от юриста живого слова, а не инструкций.

Помпония не убедили слова Марка. Он так и не убрал с лица снисходительную улыбку:

– Народ лезет к юристам с разными мелочами – с вопросами о приданом дочери, которое растратил муж; о покупке поля у соседа, на котором почва не родит; о рабе, отданном в аренду и неожиданно умершем. Где это видано – отвлекать подобным достойных мужей!

– Но из таких, как ты говоришь, мелочей, и состоит жизнь

любого человека. Так почему же, если он попадает в беду или не знает, как поступить, ему не обратиться за советом к тому, кто способен помочь? Разве отказывали кому-нибудь в помощи Красс и Сципион?! Они приобрели любовь и уважение римлян как раз тем, что и в Сенате, и перед народом, и в тяжбах своих друзей, и в мирное время, и на войне делились своей мудростью с людьми. И разве это отвлекало их от государственных дел? Нет, знание жизни народа лишь укрепляло в них ораторов.

Познание Рима

Вскоре Марк всё реже вспоминал родной Арпин. Каждый день огромный город открывал ему свои секреты, впечатляя многолюдьем и разнообразием архитектурных сооружений, исторических памятников. Но для юного Цицерона оставался пока неразрешённым один вопрос, который он осмелился однажды задать Крассу:

– Рим – самый богатый город в мире. За счёт чего он таким стал?

Ответ удивил его прямоотой и краткостью:

– За счёт грабежа!

Заметив растерянность Марка, наставник пояснил:

– Ни один народ мира не откажется от войны с богатым соседом, если на этот момент уверен, что сосед слабее его. Рим не исключение!

Красс, не единожды принимавший участие в военных действиях, признал, что в римской армии существует особый отряд, который не принимает прямого участия в сражении или осаде вражеского города – ждёт. А после взятия города его воины начинают грабить дома и жителей. Кто мешает, того убивают. Всю добычу сносят в лагерь, складывают к палатке командующего, под его надзором делят – честнейшим образом. Равную долю получают все, кто был в сражении и кто находился в резерве, кто стерёг обоз и кто охранял ла-

герь. Свою часть добычи получали также раненые и больные, а по возвращении войска домой – члены семей убитых воинов.

Марк порадовался за римлян, которые во всякое время отличались огромным уважением к собственной армии. Служить в ней было престижно. Но в ответе наставника не всё было понятным.

– Неужели Карфаген оказался настолько богат, что имущества и денег его жителей до сих пор хватает Риму?

Красс воскликнул:

– Отличный вопрос, мой друг! Стоит того, чтобы задуматься!

И Красс припомнил, какими были последствия поражения для Карфагена, который потерял все заморские территории включая испанские земли, Иберию с богатейшими серебряными рудниками. Он так и сказал Марку:

– Прежде римляне получали серебро в Италии и на Сицилии. А сейчас римские монеты сплошь из иберийского¹³ серебра... Ну что, я ответил на твой вопрос?..

* * *

Ранним утром, когда Марк спешил на Форум, от насыщенного влагой воздуха у него перехватывало дыхание –

¹³ Иберийское серебро – из Испании.

сказывалась близость Тибра. Река периодически затапливала низменности, превращая всё вокруг в непросыхающее болото. Летом, пока солнце не выглянет, досаждали назойливые комары, мошкара и прочий гнус... Окутанный дымкой город казался призрачным. Лишь обустроенные людьми холмы, пробивавшиеся сквозь пелену тумана, выдавали его присутствие. Они напоминали фантастические корабли, возвращающиеся из далёкого плавания в родную гавань...

С первыми лучами солнца туман исчезал. Рабочий люд, выдворенный из своих домов звуками утреннего города, спешил в мастерские, пропахшие ремёслами, чтобы трудиться до самого позднего вечера. Лишь в полдень делали небольшой перерыв ради нехитрого обеда с дешёвым вином.

Марк открывал для себя два совершенно разных города: один – для знатных и богатых, другой – для бедных, презираемых первыми. И это наводило его на грустные думы. Он не брезговал бедностью, если она заключалась в бесхитростном образе жизни. Никто не называется бедняком, если он обладает лишь необходимым для жизни и отвергает излишнее. Не понимал только, как люди выживают в столь жалком состоянии. В таких случаях вспоминал, что говорил отец:

– По природе человеку из всех благ необходима лишь самая малость! Право же, кто меньше возжелает, больше всех обретёт. Стало быть, богатство лучше исчислять не мерою поместий и наличием денег, но мерою души человеческой.

Марк действительно относился к бедности с сочувствием,

но остерегался приближаться к той черте, как человек в белой тоге опасается прикоснуться к плащу угольщика. Бедняки без долгих размышлений соединялись в недовольную толпу, объятую яростью, несущуюся в неизвестном направлении, грозя снести на пути всё. Оттого-то, когда наблюдал на улице присутствие множества людей, осторожничал, не допуская, чтобы наступали на ноги, задевали локтями и коленями, били кулаками, рвали одежду.

А ещё остерегался проходить улочками мимо сдаваемых в аренду многоэтажных домов – *инсул*, напоминавших улей с разозлившимися дикими пчёлами. Велик был шанс того, что на голову упадёт кусок черепицы или выльется зловонное содержимое ночного горшка. Как и многие римляне, не гулял ночами по городу, лишь наблюдал из своего окна, как самые бедные и нищие ночуют на скамьях, выпивая и развлекаясь. Между ними случались драки и убийства.

Красс вразумительно объяснял подобное состояние города:

– Чему ты удивляешься, дружок! В Рим стекаются со всех концов света не только люди, готовые работать и служить новой родине верой и правдой. Немало здесь искателей приключений, людей сомнительного достоинства, всякий сброд, готовый за деньги на безнаказанное злодеяние. Тебе не следует бродить в городе по незнакомым местам и ночью. Насильники объединяются в банды, грабят прохожих, а после отсиживаются в *табернах*, укрываются в притонах. Тебе ка-

жется, что, раз ты юноша небогатый, у тебя нечего отнять? Можешь жизнь потерять!

Но интерес к жизни улицы у Марка не проходил. Он понимал, что адвокату полезно изучать людей вблизи, оттого, остерегаясь, бродил по Риму не в одиночку, а с надёжным рабом, вооружённым дубиной. После длительных прогулок уставал настолько, что его одолевала бессонница. Вспоминал совет матери: всякий страдающий бессонницей излечивается капустой. Поутру съедал натошак поджаренную, пропитанную маслом, тёплую и слегка посоленную капусту. Чем больше ел, тем скорее вылечивался.

* * *

Жизнь крупного по размерам и численности города ежедневно наполнялась новыми событиями. В праздники и по торжественным датам римляне толпами направлялись в цирк, чтобы с азартом наблюдать за бегом колесниц и состязаниями атлетов. Торопились в театр увидеть бродячих актёров, *пантомимов*. Кто-то проводил досуг в банях-*термах*, нежился в бассейне с подогретой водой, чтобы после освежиться и сыграть с кем-либо в кости. Многие посещали *таберны*, пили, ели и перекидывались словами с сотрапезниками. Среди прочих удовольствий римляне не отказывались от пирушек у друзей, где засиживались до утра.

В известные часы днём в садах и парках гуляющей пуб-

лики прибавлялось; причем женщины являлись закутанными, так что открытым оставалось только лицо или даже его половина. Длинная *стола* спускалась до пят, широкий плащ покрывал всю фигуру и даже часть головы. Знатные замужние женщины, *матроны*, не появлялись без сопровождения множества рабов обоего пола. Они окружали госпожу, чтобы защищать от толпы.

Обращали на себя внимание *куртизанки*, поражавшие прохожих вызывающей роскошью одеяний и дороговизной украшений. Когда Марк видел их на прогулке, удивлялся, насколько свободно они вели себя со всеми, кто проявлял к ним интерес. Встречались и мужчины с томными голосами, множеством колец на пальцах и в укороченных по моде тогах. По белизне кожи, которую тёрли пемзой с целью сделать её мягкой, по изящно причёсанным и надушенным волосам, по гладкому подбородку, изяществу складок тоги нетрудно было догадаться, для кого и для чего их старания.

Граждане, отправлявшиеся на отдых в пригороды верхом или в повозке, снаряжали породистых коней и мулов, подобранных по росту и масти, с богатыми пурпуровыми чепраками и в золотой сбруе. Украшенные слоновой костью, медью, часто чеканным серебром, повозки запрягались четвёркой коней, устилались ценными коврами. Некоторые их хозяева, прежде всего молодые, вместо возницы сами правили, держа в руках длинные вожжи и бич. Впереди повозок традиционно двигался отряд сопровождающих всадников, ко-

которые с удовольствием разгоняли зевак, если те замешкаются. В основном богатые римляне прогуливались на носилках; их несли на плечах шесть или восемь рабов высокого роста, одетых в плащи, *пенулы*, из белой или красной шерсти.

Поначалу Марк удивлялся многолюдности Форума, сторонился толпы, не понимая, отчего римляне так стремятся его посещать. Вскоре догадался – для многих из них прогулка сюда являлась не только отдыхом и приятным зрелищем, но ещё делом. В Риме любого человека забудут, если он перестанет появляться среди людей, завязывать обширные связи и знакомства. Прогулка к Форуму, пребывание на нём, общение с друзьями и знакомыми представлялись важным, необходимым актом в повседневной жизни каждого римлянина. Марк Цицерон вместе с другими молодыми людьми приобщался к римскому обществу, встречаясь со всеми, кто был ему нужен, приучал всех к себе и себя к Риму. Постепенно к нему приходило осмысление, что выгода и богатство давали римлянину высшее, если не единственное, благо. Но для этого надо бы занимать высокое должностное положение, обзавестись почестями и влиянием.

* * *

В Арпине родители внушали сыновьям совсем иные ценности. По их представлению, люди, стремящиеся к богатству ради могущества и наслаждений, были недостойны уваже-

ния общества.

– Я могу назвать имена величайших преступников, каких только знает человеческая история, но среди них не найти ни одного бедняка! И, наоборот, среди людей знаменитых трудно найти выходцев из богатых семей, – говорил отец.

Марк принимал родительский наказ на веру, хотя сомнения заставляли его думать иначе. Если богатство не приносит человеку счастья, почему же все стремятся к зажиточной жизни? Уже позже он понял, что и в стремлении к богатству желательно знать меру. Но это, как говорили греческие мудрецы, искусство не для каждого. Если в жизни ты сообразишься с природой, то не будешь беден, а если с людским мнением, то не будешь богат. Естественные желания имеют предел, порождённые же ложным мнением – не знают границ. Излишества лишь научат желать ещё большего излишества.

Профессия адвокат

В силу целого ряда объективных причин римлянам приходилось часто прибегать к услугам адвокатов. Законов применительно к каждому отдельному случаю не хватало, да и правовой контроль судебного производства государством отсутствовал. Проблемы в судах зачастую не могли разрешить даже главные судьи, *преторы*. Их избирали на год народным голосованием, не принимая в расчёт ни юридическую грамотность, ни образование, ни жизненный опыт. Неподкупность и честность – вот что было основным требованием к претору. Но это, как правило, не исполнялось. По этим причинам граждане, обращавшиеся в суд или привлекаемые к суду, нередко становились заложниками некомпетентности народных судей, заседателей и преторов.

Каждый претор считал своим долгом издать «собственные» законы – *эдикты*, – часто опровергающие инициативы предыдущих коллег. Это создавало непонимание в приложении законов, путаницу при разбирательстве дел.

Существовала ещё одна причина для обращения к адвокатам – доносительство. Граждане имели право подавать друг на друга жалобы и доносы с различными обвинениями и подозрениями в краже имущества, нанесении побоев и членовредительстве, нарушении обязательных религиозных обрядов, супружеской измене, убийстве. Чтобы разобраться в

этом громадном потоке, с нагрузкой работали официальные комиссии и коллегии, оформляя уголовные дела к рассмотрению в судебных заседаниях. Но чаще всего вердикты отражали некомпетентность, продажность судей или явный политический заказ.

В жизни Рима время от времени происходили события (как, например, кровопролитное гражданское противостояние), когда подавать доносы становилось выгодным делом. Кто скорее подаст донос на другого человека, тот и выиграет – останется жив. Инициированные гражданами разбирательства дел о государственных заговорах, как правило, способствовали сведению личных счётов, а более – получению материальной или карьерной выгоды. Если донос подтверждался, обвинителю выплачивалась четверть стоимости имущества осужденного. Богачи и члены знатных семей, дававшие естественный повод для зависти или мести, смертельно боялись доносителей-делаториев из бедных соседей. Хотя в случае оправдания обвиняемого доносителя тоже наказывали за клевету – его ожидал крупный штраф, лишение собственного имущества или жизни. Во время избирательных кампаний политические группировки использовали доноительство как удобную возможность расправы с оппонентами или хотя бы временное его отстранение от борьбы за должность или власть.

Посещая дома друзей и знакомых, Марк слышал откровения молодых людей, которые не скрывали свою причаст-

ность к доносителю на известных сограждан. Объяснялось это «благородными порывами справедливости», на самом деле они получали не только материальную выгоду, но часто известность «патриота Отечества», после чего начинали желанную ими государственную карьеру. В кругу близких товарищей Марк возмущался:

– Доносительство – порочное явление для демократии, а значит, вредное для граждан, и должно осуждаться. Больше всего когда донос строится на лжи, клевете. Настоящий адвокат обязан осуждать лжесвидетельство, поскольку оно не отвечает заветам предков римлян. Если адвокат не исполняет свой долг, не защищает правоту дела, он показывает себя плохим защитником и становится соучастником отвратительного спектакля.

Услышав от друга эти слова, Помпоний попытался шутить:

– У тебя есть средство, как бороться с доносителями?

Марк не знал, что ответить. Неожиданно помощь пришла от Пизона. Он вспомнил мудрого Солона:

– Правитель Афин придумал незамысловатый закон: «Если донос подтверждается, доносителю ничего не давать. Имуущество и деньги осужденного передавать в храм».

– Чем меньше соблазнов завладеть чужим имуществом, тем больше правды в суде! – торжествовал Марк.

Друзья периодически спорили, обязан ли адвокат вести дело бесплатно. Об этом граждане говорили на Форуме,

на Собрании и Сенате. Римская мораль не допускала материального поощрения судебных ораторов, предполагая, что «подобное деяние свидетельствует о низости его продажной души». Профессия адвоката официально не оплачивалась, отчего оказалась доступной в основном состоятельным гражданам. Так, и Марк Цицерон благодаря поддержке отца не испытывал финансовых проблем в учёбе, стремился к адвокатской практике «ради пользы римскому народу и Отечеству».

На самом деле финансовая сторона адвокатской деятельности выглядела довольно странно. С одной стороны, оплата их услуг официально запрещалась, с другой стороны, благодарные клиенты, избавленные адвокатом от разорения, высылки или смерти, «не оставались в долгу из благодарных чувств». Они «занимали» своим спасителям огромные суммы денег «в долг», включали их в списки наследников имущества, продавали за бесценок дома и виллы, по сути, отдавая даром. В итоге «бескорыстные» защитники римлян скупали недвижимость в престижных кварталах Рима, виллы на курортах, приобретали в провинциях имения с обширными участками земли. О таком достатке мечтал отец Цицерона, когда, преодолевая скудность семейного существования, оплачивал учёбу сыновей у самых дорогих учителей и мудрых наставников.

Но не всем было дано называться настоящими адвокатами. На Форуме толкались сомнительные личности, готовые представлять интересы клиентов по любому поводу. Для них судебный процесс означал вероятность неплохого заработка, при этом не приходилось глубоко вникать в суть дела и расследование обстоятельств. Их тоже нанимали – для участия в подлогах и клеветнических доносах, чтобы на судебных процессах они набрасывались на достойных людей в роли «защитника» или «обвинителя» с несправедливыми обвинениями, произносили витиеватые речи, превращая заседание в театральное представление на потеху нетребовательной публике.

Марк Цицерон посещал Форум два года, считая дни, когда туда приходили известные адвокаты, не зря прожитыми. Учился мастерству у ораторов, кто придерживался правила брать на себя столько судебных дел, сколько способен вести добросовестно и честно. Такой подход требовал серьезной подготовки – детального изучения обстоятельств дела, подготовки текста выступления и даже его заучивания, чтобы на суде вести себя уверенно, естественно и достойно побеждать. Кумир Цицерона, Луций Красс, пояснял:

– Требуется следовать не положению клиента, а сути дела. Старайся отказывать сильным и богатым, если они покуша-

ются на свободу и достоинство людей маленьких и бедных. Берись за дело, чтобы доказать правду по закону – это делает тебя счастливым.

После каждой встречи Марк делал полезные выводы, что до судебного заседания надобно изучить материалы дела дома, вооружиться неоспоримыми доказательствами. Во время суда слушать, о чём говорит противник. Нельзя высказывать что-нибудь непоследовательное: судья заметит, противник не спустит промаха, и друзья осудят...

* * *

В двадцать лет Марк впервые обратился к бредю-тонсору. Следуя установленному ритуалу, в шестнадцать лет ему удалили «пушок» на подбородке, который пожертвовал домашним ларам. После этого римлянин мог не сбривать бороду ещё двадцать лет, подправляя «по моде». После сорока лет мужчины брились ежедневно, стараясь выглядеть моложе. Что касается остальных волос на теле мужчины, римляне, в отличие от греков, не терпели излишнего на теле, кроме головы, вычищали «растительность» до кожи пемзой или выщипывали. Ох, и болезненная процедура! Длинные бороды не приветствовались, поскольку так ходили странствующие греческие философы, а ещё разбойники и пираты. Да и вообще известно, что «волосатость» характерна только варварам и рабам.

Марк облюбовал для такого события *тонсорнио* у Фору-ма. Перед дверью привычно толпились зеваки, готовые без устали наблюдать спектакль, затеянный хозяином, по виду характерным греком. В руках он вертел бронзовые ножницы, какими стригут баранов и овец. Не исключено, что по этой причине стрижка у клиентов получалась «лесенкой». Брадобрей встретил юношу весёлыми прибаутками, усадил на скамью и предложил на выбор острую бритву или пинцет. Некоторые клиенты предпочитали вместо бритья выдергивание волос на подбородке. Марк нашёл бритву уместной, после чего, закрутив покрывало вокруг его шеи, грек протянул таз с водой – смочить бороду, и дал в руки полированный бронзовый диск, чтобы в отражении следить за процессом.

Начал с подбородка, перешёл к щекам, голове. Стриг и завивал волосы с помощью горячей ароматизированной воды, подкрашивал и полировал брови, удалял волосы из ноздрей, с рук и ног, сжигая их огнём лучины и полируя кожу пемзой. Трудился долго. Но первое посещение тонсорни запомнилось Марку даже не бритьём, а разговорами брадобрея:

– Я поступлю с твоей бородой и головой так, как поступил бы скульптор с глыбой мрамора. Он отсекает лишнее, а то, что остаётся, полирует. Одно сглаживается, другое подчищается – и так до тех пор, пока не будет результат. Вот и я удаляю лишнее, выпрямляю то, что криво, из прямого делаю кривое... И я не прекращу обрабатывать твою голову, пока не увижу, что она безупречна.

Завершив бритьё, довольный собой грек снял с Марка покрывало и, заглянув ему в глаза, произнёс замечательные слова:

– Сейчас ты молод и тем прекрасен. Пройдут годы, и в зеркале ты когда-то заметишь седину. Придёшь ко мне, и я верну тебе цвет молодости, снова сделаю тебя красавцем. Но в том, что касается содержимого твоей головы, я тебе не помощник. Здесь ты будешь сам себе хозяин!

Глава пятая

Наедине с философией

Нет нужды жить в нужде

В 90-х годах до нашей эры спокойная до этого обстановка в римском обществе начала меняться. В провинциях население италийских городов проявляло недовольство дискриминационной политикой официального Рима. Люди требовали отмены ограничений в гражданских правах. Начались вооруженные конфликты на местах, перераставшие в локальные восстания. Провинциалов поддерживали сторонники Гая Мария Младшего, сына полководца-реформатора Гая Мария. Разгорелась гражданская война. В это время Марк Цицерон как раз достиг призывного возраста. В составе кавалерии он отправился воевать на стороне республиканцев под предводительством консула Корнелия Суллы.

После ряда побед сулланцев над марианцами республика несколько успокоилась. Марк возвратился в Рим и... диву дался – все его сверстники были увлечены греческой философией. И Цицерона как прогрессивно мыслящего молодого человека это веяние не обошло стороной. Сразу по приезде он попал на занятие к Аполлонию Молону, уроженцу Родо-

са, которого позже назовёт наставником.

Знаменитый в Греции учитель красноречия, ритор, оказался в Риме в качестве переговорщика в Сенате, отстаивавшего интересы своих граждан. С поручением он блестяще справился и некоторое время давал римлянам уроки греческой *декламации*, которую здешние ораторы до сих пор игнорировали. Марк на этих уроках проявлял завидное усердие, и был замечен. На прощание Молон сказал ему дружелюбно:

– Если молодой человек окажется на Родосе, буду рад ещё раз его увидеть.

* * *

До описываемых событий большинству римлян занятие философией было чуждо. Их интересовали действия, результаты, а не отвлечённые понятия и мысли. Любую проблему они склонны были решать незамедлительно, руководствуясь при этом природными инстинктами и внешними обстоятельствами. Разве что со *стоиками*, ратовавшими за победу разума над болью и тревогами, которым подчинена человеческая жизнь, римляне были солидарны.

Никто даже и предположить не мог, что однажды в Риме станет столь популярным учение грека Эпикура, в основе которого – человек, способный преодолеть жизненные трудности и при этом «не теряющий гордости и не жертвующий

внутренней свободой, а живущий одними чувствами». «Пока человек жив и тем счастлив, – говорил Эпикур, – смерти нет, а когда смерть приходит – человека уже нет. Следовательно, истинная цель человека в жизни – стремиться к наслаждению, к удовольствиям, избегая страдания». Такой подход устраивал римскую молодёжь.

И если в Греции учение Эпикура вызывало недоумение и даже осуждение, то в Риме зёрна эпикуреизма благополучно проросли в умах молодых людей. Вместо того чтобы в условиях гражданских войн и потрясений активно участвовать в событиях и решать проблемы, они «искали путь к достижению безмятежности и невозмутимости духа, отречению от городской суеты и отказу от государственных должностей».

Эпикурейцы призывали не выполнять законы и строгие правила предков ради чревоугодия, разврата и пьянства. Они отвергали семью, брак и деторождение. Отрицалась любовь «как источник излишних страстей, душевного смятения и страдания». Звучали призывы к отказу от служения Отечеству и труду во благо общества, поскольку исполнение этих правил нарушало праздное состояние души.

* * *

В те годы Цицерон поддался пагубному увлечению эпикурейством и уже не сопротивлялся свободному образу жизни. Молодость уходит – надо спешить жить! Лучше самому

распоряжаться собственной жизнью, чем стремиться занимать государственные должности, служить неблагодарному обществу! Защищать Отечество? Для этого существуют наёмники! Добродетель и справедливость? Пустые слова! Ни в чём себе не отказывать, не воздерживаться ни от чего, что потребно в данный момент! Не запрещать для себя удовольствия, так как смерть когда-то всё у тебя отнимет...

Но традиции, усвоенные в родительском доме, и назидания отца не позволили Марку оставаться среди постоянных ценителей эпикуреизма. Однажды привитая мораль – честность и порядочность во взаимоотношениях между людьми, высоконравственные семейные отношения дали плоды. Пришло понимание, что все наслаждения, как утонченные, так и низменные, носят поверхностный характер. Они представляют собой лишь вереницу отдельных мгновений, ложное представление человека о счастье.

Разумеется, римляне извращали мудрость Эпикура по незнанию, это Марк Цицерон вскоре понял. Он нашёл в его философии нечто своё, ценное, что помогало ему в жизни:

– «Нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо... Жить в нужде плохо, но только нет нужды жить в нужде».

Воспитание нравственности

Знакомство Марка Цицерона с греческой философией началось в шестнадцать лет, когда в Риме объявился известный эпикуреец Федр из Афин. На волне неожиданного интереса молодых римлян к новомодной философии он открыл собственную школу. Федр поразил Цицерона умеренностью взглядов, очевидной добротой к людям и готовностью доказывать правоту того, кто истинно прав. Затем было увлечение философией Филона. Он призывал к обнаружению каждым человеком у себя «совершенных знаний о Природе, Мироздании», на которых базировалась общественно полезная деятельность. От него Марк впервые услышал о Платоне, после чего пожелал прочесть труды знаменитого основателя афинской академии.

Учение стоика Зенона заставило юношу изумиться тому, что «миры существуют, пустоты же нет; природа всего сущего произошла из теплого, холодного, сухого и влажного, превращающихся друг в друга; люди же произошли из земли, а души их – это смесь вышеназванных начал, в которой ни одно не преобладает». У Зенона Марка привлекло высказывание «в речах называть вещи своими именами, не избегая бранных слов». По этому поводу у него произошёл спор с Помпонием, который возразил против непристойностей в речах оратора. На том основании, что «рот есть преддверие

духа, помыслов и слов... Для человека, соблюдающего приличия, непристойнее всего иметь грязный рот».

Марк с горячностью возразил:

– Что пользы от рук, закованных в кандалы, от ног, стиснутых колодками? Я убеждён, что язык, осужденный на молчание, приносит мало пользы – как ноздри, постоянно страдающие насморком, как и уши, забитые грязью, и глаза, затянутые бельмом. Как из клетки неволи выпускается пойманная ловцом птица, так оратору невыносимо сдерживать уместное слово. Иначе речь приведёт за собой вялость, а за вялостью идет дряхлость мысли и бесславие оратора.

Помпоний покачал головой:

– И всё-таки для умелого оратора существуют слова, запретные для слуха тех, кому они предназначены.

* * *

В изложении учений греческой философии Цицерона затрагивала категория нравственности. В этом смысле ему повезло, когда он стал посещать школу Диодота, которому в искусстве спора и убеждения не было равных. Учитель заметил усердие Марка; они подружились, а когда Диодот стал терять зрение, ученик предложил поселиться в своём доме. С этого дня наставник и ученик ежедневно обсуждали философские книги, а после занятий Диодот играл на лире – так поступали ученики Пифагора.

Жизнь Марка наполнилась радостью чудесных познаний, у него не было повода для огорчений или жалоб на неустроенность или неопределённость. Он охватывал любое новое направление в философии, вычленяя из каждого естественные признаки истины. Услышав от Диодота, что «нет ничего ослепительнее греческой математики», увлёкся математикой, затем астрономией. Однажды Диодот показал не знакомую для Марка конструкцию из разновеликих размерами шаров, подвешенных на бронзовых кольцах.

– Так выглядит небесная сфера, – пояснил Диодот. – А вот так Луна сменяет Солнце. В течение стольких же оборотов ночное светило сменяет дневное на Небе. От этого явления происходит затмение Солнца.

Он сделал несколько оборотов одной сферы вокруг другой, более крупной.

Пораженный зрелищем «планетария» и услышанным от Диодота, Марк узнал имя создателя этого чудесного сооружения – механика Архимеда из Сиракуз.

Ежедневные беседы с Диодотом по вечерам помогали Цицерону разобраться с учениями других философов. Однажды в доме у своего друга Пизона Марк слушал лекцию Стасея из Неаполя, последователя Аристотеля. Стасей говорил о совершенно неожиданных для восприятия вещах:

– Нашу Землю окружает Космос, внутри которого существует Бог. Он находится вне нашего мира и над ним. Люди не могут увидеть Бога, Бог слишком возвышен, чтобы уви-

деть его или услышать. Но Он заботится обо всех сразу, наполняет Мироздание силой и действием, а не единичными проявлениями Себя.

В годы взросления Марка Цицерона и становления характера философия добавила ему немало полезных качеств. Главными из них были стремление к познанию окружающего мира, справедливость и благотворительность, крепость духа и уверенность в себе. Помимо того в философии Марк нашёл «утешительницу от душевной скорби», она помогла ему сделать ещё один важный вывод – что «всё требуется оспаривать и ни о чём не стоит высказывать определённого мнения».

От греческой философии Марк также пришёл к пониманию того, что адвокату полезно знать историю собственного народа и государства. Потому что человек, не знающий своих корней, не помнящий предков и дел их, не связывающий день сегодняшний со славными и горькими событиями минувших лет, становится жалким существом. Чтобы не уподобиться таковому, Марк нанял учителя, с которым изучал римские *анналы* – записанную жрецами историю Рима от момента его основания.

Глава шестая

Друг обвиняемых

Обучение мастерству

Шёл 83 год до нашей эры. Уже пять лет Марк носил «тогу зрелости». Он был уверен в собственных юридических знаниях и помогал всем обращавшимся к нему за советом согражданам. По вечерам они с братом устраивали «учебные» судебные процессы, «упражнения для ума и языка». Квинт выступал обвинителем, а старший брат – «другом обвиняемых», защитником обиженных и обездоленных. Квинт был уже достаточно опытным оппонентом и часто не соглашался с доводами Марка, особенно когда тот утверждал, что в речи адвоката главное – её содержание, а не витиеватость.

Марк Цицерон говорил:

– Не всё бывает полезно для слуха судей, чтобы настроить их на мягкий приговор подзащитному. Много значит довести до судей суть дела.

А Квинт Цицерон возражал:

– Ошибаешься, брат! Решение вопросов зависит от качества речи оратора. В истории Рима есть примеры, когда решение не обходилось без красноречивых доводов. Достаточно

но вспомнить знаменитую фразу Катона в Сенате: «Я не перестану ждать от Карфагена опасности, пока не уверюсь, что он разрушен». И Карфаген был побеждён и разрушен.

– Вот и я намерен разрушить наш Карфаген – сломать судебную систему, которая давно загнила, но признаться в этом никому не хватает смелости.

– Ты хочешь сломать систему римского правосудия?!
Смотри, не сломала бы она тебе шею!

– Если в судах заседают люди продажные, жадные и циничные, я как римский гражданин обязан исправить это. Ведь они не только погружают республику в пучину беззакония, но ещё и обрекают народ на ужасные страдания.

– И что, ты поднимешь мятеж против богачей и знати?

– Я смогу убедить народ словом. Потому что слово – моё оружие!

* * *

Римляне начали выделять Марка Цицерона на Форуме среди молодых адвокатов, его узнавали. Неожиданно судьба преподнесла ему то ли подарок, то ли испытание – он познакомился со знаменитым комическим актёром Росцием.

В Арпине довольно часто появлялись заезжие актёры, но при жизни деда Марка Цицерона посещение театральных спектаклей не одобрялось, запрещалось водить детей даже на выступления канатных плясунов и силачей. Но перебрав-

шись в Рим, отец изменил отношение к театру и приобщал к нему Марка «ради совершенствования души», хотя проявлял неудовольствие спектаклями с помпезным содержанием и вызывающе роскошными декорациями. А с началом адвокатской деятельности Цицерон неожиданно нашёл в игре актёров свой интерес...

В домах знатных римлян, двери которых изредка раскрывались перед молодым Цицероном, ему довелось познакомиться с великолепным трагиком Эзопом. В Риме гуляла легенда, как он, играя злодея-царя, не совладал с эмоциями и ударил партнёра по сцене насмерть скипетром. Марк не пропускал ни одного спектакли с участием Эзопа, найдя в его актёрских приёмах и жестах нечто полезное для себя как адвоката. Но как ни велика была в то время слава знаменитого трагика, комик Росций затмевал его своей игрой.

Судьба Росция, родившегося в семье бедняка, мало чем отличалась от судеб других странствующих актёров. К тому же он немного косил одним глазом, но зрители толпами спешили на спектакли с его участием, где он блистал талантом; его даже называли «наш Аполлон» за статность фигуры.

Слава Росция оказалась недостижимой для других актёров после неожиданного посещения спектакля Суллой, *диктатором* Рима. Наслышанный о необыкновенном таланте актёра, он отложил свои дела и посетил театр. После спектакля, совершенно потрясенный и растроганный игрой Росция, он долго аплодировал стоя. Затем подозвал к себе, обнял и,

сняв своё массивное золотое кольцо – знак принадлежности к всадническому сословию, – надел безродному комедианту на палец!

В считанные дни Росций из бедняка превратился в богача. На его спектакли приходили десятки тысяч римлян; за каждое выступление ему отныне платили огромные деньги. Знаменитость наперебой приглашали в дома знатных римлян, осыпали дорогими подарками.

Наблюдая за выступлениями комика, Марк пришёл, на первый взгляд, к дерзкой мысли, что судебные заседания похожи на театральные представления. Обвинитель и адвокат – актёры, а судьи – требовательные зрители, готовые по окончании последнего акта вынести свой приговор. Но результат зависит от таланта исполнителей! И публика, испокон веков присутствующая в судах, сопереживающая всему, что происходит у неё на глазах, готова вынести свое решение – аплодисментами или возмущением. А если всё так и есть, адвокату следует освоить актёрские приёмы.

Набравшись решимости, Марк предложил Росцию давать ему уроки актёрского мастерства. Актёр удивился и спросил: – Ты хочешь составить мне соперничество на сцене?

Марк обнял его за плечи и признался:

– В театре лучше тебя никому не сыграть, а в суде я бы попробовал себя в роли актёра. Думаю, адвокату полезно использовать твою манеру игры. С пафосом, каким ты играешь роль, мне понадобится защищать обвиняемого в суде. Хочу

научиться у тебя управлять телом, постановкой головы, рук и ног, узнать другие секреты актёрского мастерства, если ты согласен.

Росций на миг задумался и сдался:

– Наверное, мне это тоже будет интересно. Что ж, начинаем занятие.

Он сделал паузу.

– Автор создаёт типы героев пьесы не из пустого воображения, каждому даёт характеристику. Актёр же прежде узнаёт всю подноготную своего героя, чтобы зритель узнал бы в них себя и других. И ты в суде говори и действуй так, чтобы судьи видели в твоих подзащитных не преступников, а людей, понимали бы их отношения с другими людьми по делу, чувствовали, каково им самим оказаться на их месте.

После первого урока были другие. Марк использовал любую возможность встретиться с Росцием. На спектаклях он не отрывал взгляда от актёра, запоминал его интонацию, жесты, взгляды. Актёру, наверное, нравилась роль наставника, он не уклонялся от встреч, тем более что ученик неплохо платил за услугу. Росций одобрял намерения начинающего адвоката, но предупреждал:

– Говори речь перед судьями, как перед самыми требовательными зрителями. Делай это на пределе чувственных страстей, чтобы вызвать у них скорбь, сострадание или ненависть к человеку, о котором говоришь. В твоём деле если самому не прочувствовать то, о чём говоришь, успеха не до-

биться... Но помни: исполнять свою роль надо искусно, чтобы не выглядеть притворщиком.

– Для этого я и учусь у тебя – лучшего в мире актёра Рокция, который умеет играть на струнах души своих зрителей.

– Слушай ещё совет. Если хочешь вызвать гнев у судьи, глаза твои пусть сверкают от гнева; если жалость – пусть на них блестят слезы. Без актёра в сердце ты не защитник всех обиженных и обездоленных римлян!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.